№1, сентябрь 1992

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

К ЧИТАТЕЛЮ

«И КАКУЮ ТАКУЮ ФИГУ ТЫ В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЕМ УВИДЕЛ, ЧТО ТЕБЯ НА ИЗДАНЬЕ ГАЗЕТЫ ПОДВИГЛА?»

Впору и нам, инициаторам «Европейского времени», задуматься над этим поистине бессмертным вопросом Михаила Евграфовича Салтыкова–Щедрина. В самом деле — какую? Мало что ли газет устилает ныне прилавки киосков? И вот на тебе — еще одна.

Есть традиция: во вступлении к первому номеру редактор нового издания должен произнести нечто программное. Он просто обязан стучать себя в грудь при слове «демократия», становиться на колени при слове «национальное» и вообще громко дышать, трогая разные высокие предметы, вроде «суверенитета»... Мы не станем этого делать, ибо у «Европейского времени» есть своя политическая программа и притом весьма прогрессивная. ***«Европейское время» — газета здравого смысла.*** *А здравый смысл не может быть непрогрессивным. Впрочем, нам уже приходилось слышать, что у каждого свой здравый смысл. И все–таки он один единственный. Как едина наша земля, небо, солнце...*

Ну а если все–таки конкретнее? Что ж, мы будем откровенны до конца.

Семилетний период либерализации нашей жизни показал, что пресса республики, хотя и обновившаяся количественно, по сути своей осталась весьма провинциальной. Причина очевидна: слабость профессиональных, литературных, журналистских сил, оказавшихся в новых условиях способными лишь на создание коммерческой, рекламной, специализированной и откровенно развлекательной прессы. В свою очередь, слабость эта является естественным отражением и результатом той задавленности общественной жизни, того приниженного состояния духовного бытия, которые были характерны для Беларуси в течение всей советской истории.

Глубокий провинциализм, расчет на невзыскательного читателя, нередко откровенно пошлый вкус определяют лицо и бывших официозов и новых изданий, впрочем, одинаково состоящих на правительственной «подкормке» и потому, естественно, занимающих зависимую позицию. Нет широкого читателя как у претендующих на национальное лидерство газет, так и у изданий, соединяющих в себе прокоммунистические черты с откровенно фашистскими.

Пусть не обижаются коллеги, но мы считаем, что площадка для умной, по-настоящему современной, профессиональной, ориентирующейся на мыслящего читателя газеты в Беларуси свободна. Именно на это место претендует «Европейское время». В самом названии нового издания заложена его основная идея. Это прежде всего строительство гражданского общества, в котором будут превалировать права личности, права человека.

В области экономики «Европейское время» будет поддерживать предпринимательскую инициативу, антимонопольную политику, развитие разнообразных форм собственности.

В сфере национальной политики, культуры «Европейское время», поддерживая наряду с белорусской и другие национально-культурные традиции, вместе с тем намерено противостоять национальной ограниченности. Газета видит одну из своих важнейших задач в сопротивлении тенденциям духовного изоляционизма, шовинистического стравливания народов, отдельных частей общества, в том числе на религиозной почве.

Будучи нацеленной на внутрибелорусское «потребление», «Европейское время» одновременно видит свою роль в содействии процессу вхождения Беларуси в мировое и прежде всего в европейское сообщество. Газета ставит своей целью достижение такого положения, когда ее публикации на темы политического, экономического и других процессов в республике будут надежным и высококвалифицированным источником информации для западной периодики, зарубежных информационных агентств, в том числе в странах СНГ.

Понимая сложность поставленных перед собой задач, инициаторы «Европейского времени» заручились согласием на участие в газете талантливых белорусских журналистов, писателей, известных ученых, экономистов, политологов, а также крупных интеллектуалов России, Украины, стран Балтии, Польши, Германии...

Мы постараемся быть верными избранному девизу. Ибо верим, что истинный дух действительно веет, где хочет. Потому что он свободен.

Семен Букчин

В НОМЕРЕ:

ФРАНЦУЗЫ ОТКРЫВАЮТ ДЛЯ СЕБЯ БЕЛАРУСЬ

С ПОСЛОМ ФРАНЦИИ В РБ КЛОДОМ ЖОЛИФОМ БЕСЕДУЕТ ЛАРИСА КЛЮЧНИКОВА ("АНИ")

Чрезвычайный и полномочный посол Французской республики в Беларуси Клод Жолиф родился в 1933 г. Получил юридическое образование, работу в министерстве иностранных дел Франции начал в 1962 г. Был первым секретарем французского посольства в Тель-Авиве, советником и первым советником в Москве, заведовал отделом МИД Франции. В мае с. г. вручил верительные грамоты Председателю Верховного Совета Беларуси.

— Господин посол, по каким направлениям развиваются белорусско–французские отношения?

— О Беларуси во Франции практически ничего не знают. Наши отношения находятся в начальной стадии развития. Хотел бы сказать, что те пока немногочисленные французы, которые стали посещать Беларусь с интересом открывают для себя эту страну. В настоящее время группа французских специалистов завершает экспертизу состояния дорог и различных автотранспортных проблем в республике. Результаты этой работы будут представлены белорусскому правительству.

— В белорусской прессе прошла информация о поставках в республику экологически чистых продуктов питания из Франции.

— Нам неоднократно официально заявляли, что Беларусь в гуманитарной помощи не нуждается, так как в состоянии обеспечить себя сама. Что касается сообщений в прессе, то речь, видимо, идет о сотрудничестве коммерческих структур. Существует лишь договоренность о совместном проекте по технологии производства продуктов питания. Используемые в Беларуси упаковки экологически небезопасны при утилизации.

— По завершении своего визита в Париж Станислав Шушкевич заявил, что среди обсуждавшихся вопросов были и вопросы, связанные с развитием ядерной энергетики. Беларусь будет использовать опыт Франции в этой области?

— Да, эти вопросы обсуждались. Но не только ядерной, а энергетики вообще. Я считаю, что на долгий период для Беларуси эта проблема будет одной из главных, так как у вас нет собственных энергоресурсов. Беларусь должна выработать стратегию развития своей энергетики. Необходимо оценить возможности в отношении классической энергетики, включающие модернизацию существующих технологий и обслуживания станций. Сюда же входит и изучение возможности получения топлива, так как сегодня только Россия обеспечивает вашу республику. Если Беларусь сумеет найти свои подходы в этой области, тогда Франция сможет подключиться к решению этих проблем. А сейчас запланированы контакты только между специалистами. В начале октября в Минск прибудет один наш специалист в этой области. Подчеркну, что речь не идет о помощи в строительстве АЭС и их оснащении, а о проблемах энергетики вообще.

— Не смогли бы вы уточнить, кто именно прибывает и с какими полномочиями?

— Пока я не могу ответить конкретно. Но знаю, что в Париже этот вопрос прорабатывался и было установлено, что визит состоится в сентябре, затем его перенесли на начало октября. И вполне возможно, что приедут даже несколько наших специалистов.

— Какой, на ваш взгляд, опыт в государственном строительстве во Франции может быть полезен для Беларуси?

— В данное время контакты между Францией и Беларусью не очень тесные. Мы надеемся, что ваша республика явится посредником между странами СНГ и Францией, потому что для Франции Беларусь в плане историческом и геополитическом наиболее близка. Нам есть что предложить в порядке взаимообмена в различных областях. Лично мое мнение: официальные контакты менее актуальны, чем рабочие. Хорошее развитие получают, например, отношения городов побратимов.

— Газета «Европейское время» планирует регулярно знакомить читателей с деятельность зарубежных дипломатов в Беларуси.

— Я приветствую рождение нового издания в Минске. Я знаком с белорусской прессой и считаю, что есть еще возможности для ее развития. Беларусь долгое время не являлась независимым государством. Она нуждается в большой прессе, способствующей становлению государственности, и поэтому я рад появлению еще одного печатного издания.

Желаю «Европейскому времени» успеха у читателей. Посольство Франции готово представлять интересующую вас информацию для публикаций.

P.S. В Минске впервые открылась выставка французской прессы. На ней представлены практически все периодические издания, выходящие во Франции.

АВАНСЦЕНА:

КОММЕНТАРИЙ В 100 СТРОК

ВСЕНАРОДНО ОБСУДИВ...

Колебания чеховского персонажа, который не мог определить, чего же ему больше хочется — то ли конституции, то ли севрюжины с хреном, для большинства наших современников явно не свойственны. Какая там, к черту, конституция, когда на кусок хлеба-то с маслом не всегда хватает! Тем не менее, на тусклом и безрадостном политическом фоне последних месяцев в республике появление нового варианта проекта Конституции Республики Беларусь если и не вызвало всеобщего внимания, то во всяком случае наводит на размышления.

Многие, видимо, еще помнят всякого рода «всенародные обсуждения» — Конституции СССР, программы КПСС (ее тоже полагалось обсуждать всему народу), основных направлений народного хозяйства и пр. и пр. Опубликованная нынче конституция Республики Беларусь тоже, как предполагалось, должна была стать предметом всеобщего обсуждения. Правда, активной дискуссии вокруг новой конституции, если судить по прессе, не получилось. Однако, через некоторое время на свет появился новый вариант законопроекта. Он заметно отличается не только от ныне действующей конституции (по сути — это подновленный вариант Конституции БССР), но и от первого варианта. Нельзя не отметить тот факт, что комиссия по подготовке новой конституции, в которую вошли представители всех парламентских фракций, включая оппозицию, работала гласно и, судя по всему, достаточно демократично. Наконец, весьма немаловажно, что выработан проект Основного закона в целом, а не поправки к прежнему закону. Практика показала, что изменение конституции с помощью поправок приводит к появлению ублюдочных законов.

Оставим анализ содержания конкретных разделов и статей проекта конституции правоведам. Даже непосвященного наверняка смутят размеры закона — 170 статей. Вероятно, изданная отдельной брошюрой, такая конституция могла бы стать предметом экзаменовки студентов и школьников. Большинство же граждан вряд ли осилят (если возымеют желание) текст конституции хотя бы до половины. В этом отношении новый проект весьма смахивает на Основной закон СССР, где делалась попытка регламентировать все без исключения стороны жизни социалистического общества. Чувствуется, что в работе над новой конституцией ее создатели использовали опыт конституций развитых стран Запада, в частности, — США (из нее, например, взяты начальные слова «Мы, народ...»). Но вот краткость и лаконичность перенять, увы, не удалось.

Формулировки некоторых статей как будто просто взяты из советских конституций: «Кожны грамадзянін мае права на працу», «працоўныя маюць права на адпачынак», «грамадзяне маюць права на ахову здароўя», «дзяржава праяўляе асаблівы клопат», «кожны грамадзянін мае права на жылле», «дзяржава гарантуе бясплатную школьную і прафесійную адукацыю» и т.д. и т.п.

Тут к месту привести давний, еще «доперестроечный» анекдот. Некий советский гражданин приходит к юристу и спрашивает: «Скажите, я имею право...?» Еще не дослушав, юрист заявляет: «Имеете». Клиент обескуражен: «Но вы меня не дослушали. Я хотел бы знать, могу ли я...?» «Не можете!» — также категорично отвечает юрист. Да, дистанция между формальными правами и реальной возможностью ими воспользоваться в неправовом государстве огромна.

Означает ли включение перечисленных выше прав в конституцию, что они будут выполняться в тех экономических условиях, которые мы имеем и долго еще будем иметь? Разумеется, нет. Правда, могут возразить – мол, в конституции заложен идеал, к которому нужно стремиться. Но мы ведь уже жили много лет при «идеальной коституции».

Вопрос-то, на самом деле, нешуточный. Хотим ли мы, чтобы государство выступало в роли некоего патрона, строгого отца нерадивых детей (т.е. граждан), которых он опекает и обеспечивает (якобы бесплатно) неким минимумом социальных благ, защищало от всех опасностей и наставляло на путь истинный? Увы, большинство их нас, гомо советикусов, именно об этом, если говорить положа руку на сердце, и мечтает. Но являемся ли мы в таком случае гражданами?

Не государство дарует человеку права. Если можно дать, то можно и забрать. Между тем, один из главных принципов Декларации прав человека — их неотъемлемость и всеобщность. Как отнестись к тому, что в тексте предполагаемой конституции, ориентированной как будто бы на достижения мировой демократии, весьма глухо и вскользь говорится об одном их основных прав человека — праве на собственность, без которого все остальные права превращаются в фикцию?

Вполне вероятно, что подобные «философические» вопросы мало волнуют большую часть населения республики, занятого куда более прозаическими вопросами. Похоже, проблема прав человека мало волнует и политических деятелей. Куда больше они озабочены такими вопросами, как, например, президентство, выборы и название будущего Верховного Совета (Рада или Сойм). Не исключено, что проект конституции вызовет горячие дискуссии во втором чтении, а ведь будет еще и третье. Однако, какими бы жаркими ни были парламентские баталии, они нисколько не опасны для депутатов, пока и поскольку будут оставаться бесплодными. Не исключено, что мы еще увидим не один вариант законопроекта, прежде чем Конституция Республики Беларусь будет принята. Во всяком случае, большинство депутатов заинтересовано в принятии новой конституции едва ли больше, чем в референдуме о судьбе нынешнего Верховного Совета.

Конечно, нельзя исключить непредвиденные, экстраординарные ситуации (как, например, всего лишь год назад), когда депутаты вынуждены будут что-то принять. Предложенный вариант Основного закона на этот случай и есть «что-то». Все-таки лучше, чем ничего. Сим как законопослушные граждане и утешимся.

В. В.

КОНФЛИКТЫ

ЗАПРАВИМСЯ?

ПОЛОЖЕНИЕ С НЕФТЬЮ И НЕФТЕПРОДУКТАМИ В РЕСПУБЛИКЕ ВЗРЫВООПАСНО

Согласно недавно подписанным межправительственным соглашениям, Россия обязалась увеличить квоту поставок нефти в Беларусь на 3-й квартал с 4 до 5,5 миллиона тонн. Однако в июле поставки резко снизились. В результате Новополоцкий нефтеперерабатывающий завод вместо сорока тысяч тонн сырья за день перерабатывал 10-15 тысяч. Мощности завода пришлось перевести в режим рециркуляции (жизнеобеспечения производства).

Аналогичная ситуация сложилась и на нефтеперерабатывающем заводе в Мозыре. По данным Госкомнефтепродуктов Республики Беларусь, за 20 дней августа переработка нефти в Новополоцке составила 574 тысячи тонн, а в Мозыре — 331 тысячу. Упомянутые соглашения предусматривали ежемесячную переработку белорусскими предприятиями 1,9 миллиона тонн нефти. Но данные за июль (1,105 миллиона) и за 20 дней августа (905 тысяч) фактически вернули Беларусь к квоте 4 миллиона тонн. Соглашение между Беларусью и Россией, в котором зафиксирован средний уровень цен на нефть в размере 2816 рублей за тонну, оказалось под угрозой срыва.

Нефтегазодобывающие объединения России (НПК «Гермес», А/О «Нефтегаз» и др.) стали требовать оплату за поставляемую Беларуси нефть по цене от 4 до 6 тысяч рублей за тонну. Кстати, российское акционерное общество «Нефтегаз» должно поставить Беларуси в этом квартале миллион четыреста пятьдесят тысяч тонн нефти.

Официальные лица утверждают, что руководство Российской Федерации предупредило нефтегазодобытчиков о недопустимости превышения максимальных цен, предусмотренных соглашением. Но дело в том, что крупнейшие поставщики российской нефти не являются государственными структурами. Например, 60 процентов нефтедобычи в России контролирует концерн «Гермес». А что же речицкая нефть? Ежегодно в Речице добывается 2,3 миллиона тонн нефти. Однако сырье это используется лишь для производства масел и других смазочных продуктов. Потребление мазута в республике составляет 14,2 миллиона тонн. Из 30 миллионов тонн нефти, потребляемых в Беларуси за год, примерно треть уже продается по свободным ценам. По оценкам экспертов коммерческих структур, к началу будущего года эта доля увеличится до пятидесяти процентов, а к концу его все сто процентов нефти будут продаваться по коммерческим ценам. Отпадает необходимость в заключении межправительственных соглашений, в которых цены регламентируются. Механизм, позволяющий адаптироваться к новым ценам на рынке нефти, в республике отсутствует.

Кстати, Украина уже сегодня платит 12 тысяч рублей за тонну. Позиция же белорусского правительства, которое заявляет о невоз- можности платить более 3 тысяч рублей на тонну, приведет лишь к тому, что нефти не будет вовсе. Многие наблюдатели считают, что наиболее острые события в нефтяной политике развернуся в самом начале 93-го года. Сегодня главное сырье для Беларуси, как утверждают специалисты, — это мазут. Цены на нефть растут быстро. Поддерживать стабильные цены на мазут можно лишь за счет цен на бензин, дизельное и реактивное топливо. К примеру, при цене 6 тысяч рублей за тонну нефти цена дизельного топлива составляет 12 тысяч. Рыночная же цена на него — 16 тысяч за тонну.

Имея развитую нефтеперерабатывающую базу, Беларусь способна экспортировать светлосоставляющие нефтепродукты и тем самым выдерживать ценовую гонку. Но для этого нужно объединить мощности разных предприятий.

Нужны гибкие коммерческие структуры, ибо госструктуры в своей деятельности чрезвычайно инертны. Постановления правительства РБ запаздывают, оно плетется в хвосте правительства России.

Белорусские коммерсанты считают, что защита иностранных инвестиций, несмотря на принятые законы, в республике отсутствует. Отпугивает инвесторов (и не только их) и налоговая политика правительства.

В ближайшее время Государственный комитет по нефтепродуктам планируется преобразовать в концерн. Разработан проект новой организационной структуры — Комитета по нефти и природным ресурсам при Совете Министров Республики Беларусь (см. схему). Очевидно, что новая структура, напоминающая чем-то почивший в бозе Госагропром, призвана сохранить государственную монополию на нефть. Сможет ли эта структура взаимодействовать с коммерческими структурами России и других стран? Вряд ли.

Трудно не согласиться с председателем Верховного Совета Беларуси С.Шушкевичем, который недавно обвинил правительство в том, что «оно по-прежнему хочет держать в своих руках бразды правления.»

Р. Яковлевский

P. S. Когда эта статья готовилась к печати, стало известно, о значительном повышении цен на энергоносители в России. На межправительственном соглашении можно поставить крест. **(Ред.)**

ПРОЕКТ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА
Комитета по нефти и природным ресурсам при СМ РБ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ЛЕОНИД ЗЛОТНИКОВ, кандидат экономических наук

ОТСТУПАТЬ НАДО ОСОЗНАННО

Фото Л. Букчина

Экономическое положение республики быстро ухудшается. Если за 1991 год падение произведенного национального дохода составило 10%, то за первые 3 месяца — 14%, когда же остановится падение? И что это за «катастрофа», которой популяют народ?

Напрасно озадаченный читатель будет искать ответ на эти и подобные вопросы у нашего правительства вместе с его экономическими институтами или у Института экономики АН РБ. Сколько бы они ни планировали или прогнозировали на перспективу, всегда рисовали требуемую радужную картину. Проходили пять лет, мыльные пузыри лопались, но тут же миражи высоких приростов переносились на новые Комплексные программы НТП, Схемы развития, Основные направления и т. п. Разработчики этих и других документов получали премии, ученые степени и звания. Десятилетиями вращалась эта адская машина планирования и прогнозирования. И до сих пор остановиться не может: ВС республики утверждает в январе 1992 г. очередные приросты показателей на текущий год, которые тут же, в очередной раз, лопаются (такая же история случилась и с планом на 1991 г.).

В настоящее время разрабатывается экономическая программа правительства на 1993 г. Но методология ее разработки практически прежняя. Показатели раскручиваются от заданного «с потолка» минимального потребительского бюджета, а не от возможностей, прио- ритетов целей и альтернатив их достижения. Поэтому бессистемному правительственному прогнозу можно доверять не более, чем предыдущим.

В общем, добротных исследований о состоянии народного хозяйства в ближайшие годы нет. О том, что будет, можно получить общее представление лишь из понимания причин кризиса. Только правильный диагноз может быть основой оценки, правильности лечения и предсказания поведения больного.

Причина спада производства не в происках сионистов, империалистов, не в разрыве хозяйственных связей и неумелом руководстве, а в неэффективности хозяйства на основе общественной собственности. Это еще при жизни Маркса доказывал ему Бакунин. И он оказался прав.

На каждом этапе превращения природного вещества в конечный продукт из-за некачественной и непроизводительной работы на госпредприятиях производится слишком много затрат. Например, станок получается в 2-3 раза тяжелее западного аналога и служит меньше, ломается чаще, на единицу конечного продукта осуществляется перевозок в 6 раз больше, чем в США и т.д. В результате получается «самоедная» экономика, или, говоря языком специалистов, матрица производственных связей становится непродуктивной. Понятие непродуктивности поясним на примере добычи подмосковного бурого угля (такие расчеты были). Для добычи 1 тонны этого угля в целом по народному хозяйству энергии затрачивается больше, чем при сжигании добытой тонны.

До последнего времени неэффективность социалистического хозяйства покрывалась вывозом природных ресурсов за границу и недостаточными затратами на экологию, социальную инфраструктуру, здравоохранение, проеданием основных фондов и т.д. Отлив нефтедолларов, совпавший с периодом «перестройки», лишь обнажил эту «черную дыру», называемую социалистической экономикой.

Экономически малограмотный обыватель латентного периода кризиса не заметил, он все сваливает на перестройку и на неумелое управление. Например, недавно ко мне подошел зав. кафедрой политологии одного из Минских ВУЗов и показал вырезку из газеты «Правда», содержавшую таблицу показателей 1985 и 1991 годов (ввоз зерна, задолженность другим странам и т.п.). Пришлось посоветовать ему почитать статьи В.Селюнина начала 70-х годов, в которых он показывал, как идет нарастание износа и проедания фондов и к чему это приведет в будущем.

«Черную дыру» больше затыкать нечем и она уже всасывает нас (продолжительность жизни опять начала падать) и еще быстрее, чем прежде — основные фонды. Не замененные вовремя теплосети и водопроводные трубы будут лопаться все чаще (в прошлом заменялась лишь 1/3 того, что требовалось), железные дороги уже не увеличат объемы перевозок (30 тыс. километров только магистральных путей бывшего СССР полностью изношены и не заменены). Накапливается далее износ вагонов, троллейбусов, автобусов, станков и т.д.

На базе технологически отсталого самоедного производства начавшийся обвал запущенного народного хозяйства не остановить. Даже если бы не было распада СССР и перехода к рынку, то все равно был бы спад, хотя, возможно, и не такой крутой. Просто пришло время расплаты за попытку реализовать коммунистическую утопию, за долги предыдущих поколений, спасавших так долго неэффективное общественное хозяйство от развала. А того кризиса, который связан с переходом к рынку (приведение в соответствие структур спроса и производства, очистка от неэффективных производств) практически не было.

Если видеть в наступающем хаосе главную его причину — общий кризис системы и час расплаты за утопию, то становится понятной тщетность усилий правительства спасти командную систему путем межправительственных соглашений о поставках товаров и о восстановлении производственных связей. При этом остается опять же самоедное производство на базе государственной собственности (около 95% национального дохода производится госпредприятиями), укрепляется централизованное управление (в новых постановлениях опять замелькало «до 1 июля предпланового года подать заявки...»).

Мало толку будет и от других мероприятий правительства, пытающегося делать то, что рынок делает гораздо лучше. Например, от программ типа «Сахар» или «Растительное масло». Даже если они будут реализованы, что маловероятно, то цена этих продуктов будет выше той, по которой их ввезут в республику коммерческие фирмы. Неудачна политика затягивания агонии старой системы, откладывания банкротства некоторых крупных предприятий. Покажем это на примере Минского объединения вычислительной техники, которое выпускает морально устаревшие машины плохого качества и уже никогда не дотянется до мирового уровня. Непроданной продукции скопилось под миллиард рублей. Но несмотря на безнадежность ситуации уже год предприятие держится за счет снижения уровня жизни населения республики в целом, т.е. за счет кредитных инъекций, людей отправляют в отпуск за свой счет, сокращена рабочая неделя. Делается попытка перейти на новую модель ПЭВМ. Но эта «новая» модель — позавчерашний день зарубежной техники и, главное, дороже ее (за рубли) и несравненно хуже качеством. Ясно, что и эта машина не пойдет, несмотря на требование руководства объединения оградить их от конкуренции, установив высокие пошлины на ввоз ПЭВМ из-за рубежа.

Сохранение многих производств вместо их банкротства ничего не даст даже в плане социальной защиты населения (сохранение рабочих мест), поскольку вызванное такой политикой снижение уровня жизни населения приведет к более негативным последствиям.

Из всех республик бывшего СССР только Россия пытается реформировать отжившую систему. Правительство России осознало, что спад неизбежен и пытается упорядочить отступление. Но российские реформы ударяют более всего по интересам директорского корпуса ВПК и АПК. И, вполне вероятно, что эти силы на время прервут ход событий. Их лидеры заявляют, что можно перейти к рынку без спада и без снижения уровня жизни, структурную перестройку и переход к рынку осуществить плавно. Для чего, опять же, необходимо восстановить разрушенные связи. Или, как утверждаем мы, опять включить механизмы самопоедания. Но это невозможно, поскольку уже нет фонтанирующей нефти.

Более всего в наступающей катастрофе достанется Беларуси. Она была крайней в цепях переработки ценного сырья в плохой конечный продукт. В этих условиях республике нужна новая экономическая политика — политика выживания, политика сознательного, а не стихийного отступления и сокращения периода перехода к подъему экономики на новой технологической основе. Деиндустриализация сейчас неизбежна. Если в 30-е годы средства для индустриализации нашли, уморив голодом миллионы человек, ограбив и уничтожив слой крепких крестьян, то кого положить на алтарь сегодня?

Какой должна быть экономическая политика выживания — об этом в другой статье.

ЮРИЙ ДРАКОХРУСТ

СТАРОЕ ВИНО И НОВЫЕ МЕХИ

Какой политический урожай принесет нам осень? События последних месяцев дают богатую пищу для размышлений и прогнозов. Пожалуй, наиболее важным симптомом изменений, происходящих в белорусском обществе, стало создание новых политических партий и объединений. И дело не в том, что они новые. Прежде всего важны их социальный состав и цели. Все партии и движения, родившиеся до роспуска компартии, имели одну объединяющую их черту — это были политические образования интеллигенции, занимающей промежуточное положение между властвующей элитой и управляемым народом. Именно в силу своего «промежуточного» социального положения интеллигенция отстаивала общие интересы и идеи, боролась за свободу для всех. Пожалуй, лишь рабочее движение, реально развернувшееся в апреле 1991 г., не совсем вписывается в эту схему. Оно возникло и развивается как движение, отстаивающее социальные и экономические интересы определенной группы населения. Деятельность рабочего движения не сводится только к экономической борьбе: даже образовав Свободный профсоюз Беларуси, рабочие сохранили структуры стачкомов. Стачкомы оставлены «про запас», на тот случай, если понадобится вести политическую борьбу.

(Окончание на стр. 4)

Министр иностранных дел Израиля Шимон Перес в родных местах. В Вишнево на Воложинщине вместе с министром иностранных дел Беларуси Петром Кравченко.

Фото Е. Коктыша

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ЮРИЙ ДРАКОХРУСТ

СТАРОЕ ВИНО И НОВЫЕ МЕХИ

(Окончание. Начало на стр. 3.)

Но и политикой рабочие предпочитают заниматься сами, не очень доверяя существующим партиям и движениям. Общедемократическая и национальная идеи — это замечательно, считают рабочие, но свой интерес все же важнее. Рабочее движение в Беларуси, пожалуй, самое серьезное по сравнению с аналогичными в других странах бывшего Союза. В других республиках оно или немногочисленно или объединяет лишь определенные категории трудящихся (в основном, шахтеров). Шахтерское движение больше координирует свои действия со своими коллегами в бывшем Союзе, чем с другими отрядами трудящихся в своем же государстве. Поэтому размах шахтерских выступлений еще не показатель размаха рабочего движения в целом.

Тому факту, что в Беларуси рабочее движение (не только шахтерское) достаточно многочисленно, есть свое объяснение. В российских городах рабочие активно участвуют в общедемократических партиях и движениях, в других республиках — в национальном движении. Там национальное чувство, национальное единение — мотор преобразований, как демократических, так и не очень. У нас же в силу определенных, опять-таки национальных, особенностей рабочие в массе своей к национальной идее относятся достаточно прохладно. Лидеров национально-демократических движений, возможно, и уважают, но вместе с тем за вполне своих не считают. Не ангажированы наши рабочие и малочисленными и не слишком влиятельными белорусскими партиями общедемократической направленности. Поэтому-то рабочее движение в Беларуси с самого начала пошло более или менее самостоятельным путем, выдвинуло своих лидеров. Белорусские рабочие раньше своих коллег за пределами Беларуси осознали свои групповые интересы.

В данном случае не столь уже важно, нравятся ли кому бы то ни было, «партократам» или «демократам», эти интересы. Столкновение партийных и групповых (классовых, если угодно) интересов особенно ярко проявилось в дискуссии в Верховном Совете в связи с законом о профсоюзах. Вариант Федерации профсоюзов, предоставляющий профсоюзам широкие права, поддержали и независимые профсоюзы. С другой стороны, по этому вопросу раскололись оппозиционеры: часть поддержала проект профсоюзов, часть отдала предпочтение альтернативному проекту, который в большей степени учитывает интересы работодателей. Ни национальная, ни общедемократическая идея сами по себе не дают ключа к разрешению конфликтов между интересами социальных групп. Демократия — это возможность корректной процедуры разрешения подобных конфликов, но не само решение.

После долгого, но все же состоявшегося прощания с КПБ процесс самоидентификации социальных групп усилился. Выяснилось, что люди, входившие в партийную и советскую элиту, имеют свои отдельные, групповые интересы. Можно отметить некоторые вехи этого процесса: образование депутатского объединения «Беларусь», учреждение Партии народного согласия и Объединенной аграрно-демократической партии, политизация Союза предпринимателей, подготовка к созданию на базе Белорусской научно-промышленной ассоциации «промышленной» партии на манер российского союза «Обновление». Эти люди отчетливо представляют себе, чего они хотят. Результат политических действий для них — это не счастье всего народа, независимость Республики Беларусь и прочие высокие слова. Этот результат выражается прежде всего конкретной строкой в бюджете, необходимым законом, укрепляющим социальное положение их группы.

Процесс этот представляется весьма обнадеживающим. Дело в том, что и промышленники, и председатели колхозов, и другие «хозяева жизни» и до образования своих партий имели немалое косвенное влияние на политику. Сейчас наступает новый этап саморазвития этих групп — они «дозрели» до осознания необходимости создать политические образования для отстаивания своих интересов, отстаивания не только в кабинетных играх, но и в публичной политической борьбе. Действуют они на этом, не очень знакомом им поприще пока неуклюже, политические идеи формулируют с видимым напряжением, но лиха беда начало. Усвоение новых демократических правил игры хотя и с трудом, но все же происходит. Определенную роль в создании этих политических образований сыграла и перспектива референдума. Заранее «забиваются» каналы для выборов по партийным спискам. Но вряд ли этот фактор был решающим. Прошел период адаптации после устранения единого политического центра в виде ЦК КПБ. Да и перестройка, которую капитаны индустрии и «красные помещики» матерно поносят, все же отчасти преобразовала их из «солдат партии» в людей со своими интересами. Да, эти интересы имеют подчас малосимпатичный характер, но все же это интересы людей, а не системы. Новые партии и союзы — это и есть процесс образования гражданского общества. Оно не очень похоже на западное, имеет отчасти совково-мафиозный оттенок, ну что ж, так ведь и социальная материя у нас не западная. Каковы сами — таковы сани.

Кстати, принцип этот находит подтверждение в биографиях лидеров и Беларуси и сопредельных стран. И Ельцин и Кравчук, избранные всенародно президенты, пришли на свои посты не с лагерных нар, а из кабинетов высшей иерархии КПСС. Это не значит, что они плохи. Просто «долог путь до Типперери». Политическое низвержение коммунистов неравнозначно изменению массового сознания и социальной структуры общества. И народу именно эти люди, а не бывшие диссиденты, представляются наиболее подходящими на властные посты. Да и диссиденты, придя к власти, нередко начинают воссоздавать такой «крутой» тоталитаризм, что бывшие партвожди выглядят на фоне их как ожившая статуя Свободы.

Как будут эволюционировать образованные в этом году партии интересов, как будут они взаимодействовать с прежними партиями идей, сейчас сказать трудно. Скорее всего, со временем создатели новых партий поймут, что для отстаивания социальных интересов, для успеха в политической борьбе в рамках демократии интересы должны быть выражены в четких политических идеях и ценностях, а не в маловразумительном бормотании о национальном единении и демократическом социализме. Будут ли это партии идей и движений, возникших в период борьбы с коммунизмом — кто знает... История движется довольно прихотливыми путями, а плодами революций, как правило, пользуются не те, кто их совершал.

Трудно сказать, насколько наш процесс будет соответствовать европейской традиции. Ведь те же директора государственных предприятий — они и хозяева и государственные служащие одновременно. С рынком у многих из них взаимоотношения довольно сложные. Решения международного конгресса промышленников и предпринимателей, который прошел в Минске в начале июля, показали, что им не слишком по вкусу намерения российского правительства бросить промышленность в рыночную стихию без солидной государственной поддержки. Имея в виду это обстоятельство, можно утверждать, что белорусское правительство живет в большой дружбе со своими производственниками, при необходимости оно всегда может сослаться на свою зависимость от «экспериментов» команды Гайдара. То, что промышленники хотели бы несколько охладить решительность действий правительства Гайдара, вовсе не свидетельство их природной зловредности. Их социальный статус немножко хозяев, немножно госслужащих определяет формирование их же интересов в данной ситуации.

Итак, каковы же прогнозы? Если новые выборы в парламент состоятся, они, скорее всего, будут иметь по существу беспартийный характер. Западноевропейские ценности еще не закрепились в народном сознании. Поэтому люди, не очень разбираясь в различиях ныне существующих партий, будут голосовать, скорее всего, за «хороших», влиятельных, вызывающих доверие кандидатов. Не исключено, что в их число довольно значительным отрядом войдут и люди из партий интересов, при всех их косноязычии и отсутствии опыта публичной политической деятельности.

Есть, правда, одна политическая идея, которая может стать значимой, даже доминирующей на возможных выборах. Это национальный вопрос. Если выразиться точнее, это вопрос о цене движения к независимости и непосредственно увязанная с ним проблема белорусского языка как государственного. На выборах в Верховный Совет БССР, сформировавших нынешний парламент, эти идеи воспринимались электоратом достаточно абстрактно и вместе с тем были тесно связаны с демократическими идеалами, с противостоянием КПБ.

Ныне ситуация иная. Плоды и независимости и белорусизации многим в нашем обществе представляются весьма горькими. Да и появление демократических партий и движений, для которых национальная идея либо не является приоритетной, либо вообще не значима, разводит в глазах избирателей ценности национальные и общедемократические. Поэтому некоторых инициаторов референдума могут ждать серьезные разочарования в результатах выборов. Но в любом случае они сделали доброе дело. Ведь можно поставить вопрос и так: что человек, мало-мальски симпатизирующий демократическим порядкам, может противопоставить проведению первых свободных выборов на многопартийной основе? А уж кто придет к власти в результате этих выборов... Будем помнить, что демократия — это процедура, а не результат.

«НЕТ ПОВОДА ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА» —

СКАЗАЛ ДИРЕКТОР НИИ ЯДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ РБ ВЛАДИМИР БАРЫШЕВСКИЙ В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ АГЕНТСТВА НОВОСТЕЙ И ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ «ЕВ».

— Зависимость Беларуси от энергоресурсов, находящихся за ее пределами, в ближайшие годы неминуемо поставит республику перед выбором — строить или нет на ее территории АЭС. Первые осторожные заявления на этот счет уже прозвучали. Председатель ВС Беларуси С.Шушкевич после своего визите во Францию признал, что в ходе переговоров затрагивались проблемы атомной энергетики и что республика готова признать за эталон французскую технологию. Первый вице-премьер РБ М.Мясникович заявил как-то, что в Беларуси должны быть построены, как минимум, две атомные электростанции. Правда, при этом он отметил, что решиться на строительство будет трудно из-за существующего «чернобыльского синдрома».

— Ядерную энергетику в Беларуси развивать необходимо. Другое дело, что отвечать за это должны специалисты.

Конечно, вопрос об атомных электростанциях — это сложный психологический вопрос для жителей республики, которая так страшно пострадала от аварии на ЧАЭС. Но надо объяснить людям, что иного пути нет.

Есть возможность так строить электростанции, чтобы исключить возможность повторения Чернобыля. На данном этапе действительно стоит ориентироваться на опыт Франции, где АЭС много и где они отличаются надежностью.

Атомной энергетике нет альтернативы ни на Беларуси, ни во всем мире.

— Каковы, на ваш взгляд, перспективы взаимоотношений четырех ядерных республик СНГ в области сохранения ядерного потенциала?

— Надеюсь, они найдут согласие между собой. Самое главное, чтобы вывод и сокращение оружия происходили под надежным контролем, чтобы в результате сокращения не возникла ситуация, когда часть боеголовок может «уйти» неизвестно куда. Ведь с боевого дежурства будут сниматься несколько десятков тысяч боеголовок. Нужны гарантии, что все они будут сохранены, а затем разделены на компоненты.

(Окончание на стр. 9)

PERSONALIA

АЛЕСЬ АДАМОВИЧ

«... ИЗ ТЕХ, КОТОРЫХ ТЫ МНЕ ДАЛ, Я НЕ ПОГУБИЛ НИКОГО... »

Не очень вяжется библейский тон, пафос с фигурой Генсека КПСС? Да, не очень. Но ведь и многое, что весь нынешний мир готов приписать Горби: спасение человечества от ядерного апокалипсиса — тоже не очень вроде бы соответствует масштабам личности нами всеми так изученного Михаила Сергеевича. Столько на Съезде мы замечали мелкой обидчивости, наивной хитрости, крайкомовского тщеславия и самоуверенности — это он-то Спаситель Мира? Не такими привыкли представлять «великих», подаренных небом «гениев».

Когда почти окончательно иссяк энтузиазм горбачевской перестройки в конце 90-х — начале 91-го годов, появилась серия статей, очень просто и запросто расшифровывающая личность Горбачева. Обыкновенный партфункционер, кость от кости аппарата, стремившийся укрепить свою власть, укрепляя разными новациями Систему — не получилось у него с Системой, и тут обнаружилось, что и сам король — гол.

Но я хорошо помнил слова Андрея Дмитриевича Сахарова, сказанные на заседании межрегиональной группы: «Горбачев для меня загадка». Сахарову таким простым все не представлялось. Правда, мы знаем, что законная духопреемница Андрея Дмитриевича демонстративно потребовала лишить ее мужа Нобелевской премии мира, коль шведской академии так приспичило этой же премией наградить и Горбачева. (После кровопролития в Баку, в Прибалтике!). Недовольная, почти возмущенная параллелью: Сахаров — Горбачев в моей статье «Сахаров и ему подобные», Елена Георгиевна по телефону бросила такую вот «параллель»: Горбачев действует как зек-пахан, который берет с собой при побеге «корову» — на прокорм остальным лишнего «зека». Он именно так поступает с теми, кого временно приближает...

Я понимаю: ни к кому мы не бываем столь нетерпимы и несправедливы, как к тем, кого любили, в кого верили, а потом разлюбили и разуверились. Я не про Елену Георгиевну: у человека с такой жизненной биографией есть особые права на крайние оценки и суждения — тут ничего не скажешь. Но вот вчерашние самозабвенные поклонники Горбачева, энтузиасты этой личности и начатого им процесса — как же дружно они отшатнулись, отпрянули. Как от мелкого обманщика, бессовестного партократа, себя окончательно разоблачившего. Да, и учредители «Московских новостей» (а я в их числе) осенью 90-го, в начале 91-го, когда дрогнул наш лидер и начало сносить его к правым, бросили ему в лицо: или действуй (т.е. будь с нами) или уходи!

Мне сказали, что Михаил Сергеевич, прочитав газету, огорченно произнес: «Ну, ладно Афанасьев, но Адамович, Друцэ!...» Да, и Адамович крикнул канатоходцу, когда он опасно зашатался над пропастью. Невольно делают люди это, кричат предупреждающе, им кажется, спасая, хотя могут подтолкнуть падающего, лишить его последней уверенности...

Под занавес Горбачеву благодарны остались: лишь небольшая часть интеллигенции, которая от него получила «вольную», ну, а их хлеб — это их творчество, да те из народа, кто благодарно ценит уже одно желание человека сделать людям добро.

Основную же массу он «обманул». Людям казалось и все еще кажется, что он им обещал накормить и обогреть, а их врагов, в том числе и личных, покарать.

А сам Горбачев, думаю, осознанно брал на себя лишь одну миссию, но всеопределяющую: лишить партию, а точнее, номенклатуру «статуса самодержца». (Однажды он прямо так и выразился, есть свидетели из близкого окружения). Его задача: укоротить руки номенклатуре, а тем самым развязать руки всем остальным. Вот и действуйте, сами, не оглядываясь на кого-то, не дожидаясь «барина»! Кто-то действовал, а кто-то растратил все терпение именно в ожидании, что Горбачев за них и для них сделает. Не дождались и смертельно обиделись.

Держал он, держал на распростертых руках распахнутые ворота тоталитарной тюрьмы, ждал, ждал, когда произойдут необратимые перемены в людях и в обществе, но многие уже перестали понимать: чего это он стоит, как распятый?! Вместо того, чтобы налаживать жизнь, регулировать цены и национальные претензии, торчит на людях в нелепой позе и все кличет, кличет куда-то. Надоел.

Сами же ситуацией воспользоваться не успели. Или не умели? Конечно, прибалты знали, чего хотят, и добились главного. Другие же просто не знали, толком не понимали, чего хотят больше всего. Одни решили, что того же, что и прибалты — независимости. Другие — просто хорошей жизни, которой их, оказывается, лишил... Горбачев. Не только той, которую «обещал», но и какая у них была в «застойные», да, но не голодные годы.

Почему у него получалось в международной политике — мир становился безопаснее? Не потому ли, что в основе его миротворческой политики был этот «личный момент»: отрицание насилия? Его путь в Индию, к философии: «Мир без насилия» — это путь к самому себе, к собственной натуре. Мир начал верить в искренность его стремлений избавить всех от ядерной угрозы, думаю, уже в Рейкъявике. Он вышел к корреспондентам — и телевизоры показали его лицо всем — совершенно убитый неудачей. Так близко были они с Рейганом от соглашения по уничтожению ядерного оружия и — сорвалось. Это было лицо не политика, а человека, у которого личное горе. Ну, а почему внутри страны это же его редкое миролюбие (и в личном плане) работало не на него, а против — катастрофически терял поддержку населения? Объяснений много: и его политические просчеты, и непоследовательность в экономических реформах (история с программой «500 дней») и «кадровые» нелепости. Все это вроде бы имело значение. Имело, конечно. Но что если и тут в основе всего — тот самый «менталитет Горбачева», столь противоречащий заведенным еще царями порядкам и традициям в этой стране: насилие как принцип, благодать, первая примета «великого»? Нет этого в руководителе — жесткости, «кулака» — значит, болтун, трепач, ничего у него не получится.

Вот и происходило то, что происходило: и те, и другие, и третьи — все хотели, чтобы кулак власти обрушивался на голову их противников. (Что следующий удар обрушится и на твою — об этом думать никто не хотел).

К исходу его «правления» авторитет мирового любимца Горби внутри страны не то что до нуля упал, но стал величиной отрицательной...

Ну, а что человек этот, невольно выражая своим поведением Великий инстинкт самосохранения человеческой популяции, возможно, спас от самого ужасного — от ядерного апокалипсиса, так мы об этом, большинство, «забыли помнить», уже в 1989 г. Я тоже мог бы иметь свои «претензии» к Горбачеву, но очень специфические: это он, поманив перестройкой политических и экономических структур, сделал снова малоинтересной для большинства народонаселения проблему ядерного апокалипсиса, которая только-только начала овладевать сознанием сограждан, и моя «Последняя пастораль», напечатанная «Новым миром» в 1987 г., почти не нашла заинтересованного читателя. Ну, да Бог с ней, с литературой, когда такая жизнь начиналась!

Но если я оставался «горбачевцем» (друзья обзывали «последним горбачевцем») даже когда другие от него брезгливо отстранились, то не в последнюю очередь — ценя его именно миротворческие шаги и действия. Нам, «пацифистам», «абстрактным гуманистам» сразу стало легче противостоять «активному гуманизму» внутренних и внешних отечественных разбойников. (Это оценишь, когда испытывал их давление и атаки на протяжении чуть ли не десяти лет).

Так что же в нем действительно «загадочного» — в этом человеке, которого так просто вроде бы разгадать? Что в «осадке» — то, чего он сам не замечал, возможно? Потому-то и мудро прозвучало гранинское: если бы хитрил, мы бы его давно разгадали. Было (и есть) нечто самое главное и определяющее в его натуре, в самой природе этого человека, что диктовало поведение его — поверх всяких политических игр и любых действий в коридорах власти. Что в конечном счете и определило его судьбу. И больше всего сказалось на результате его деятельности.

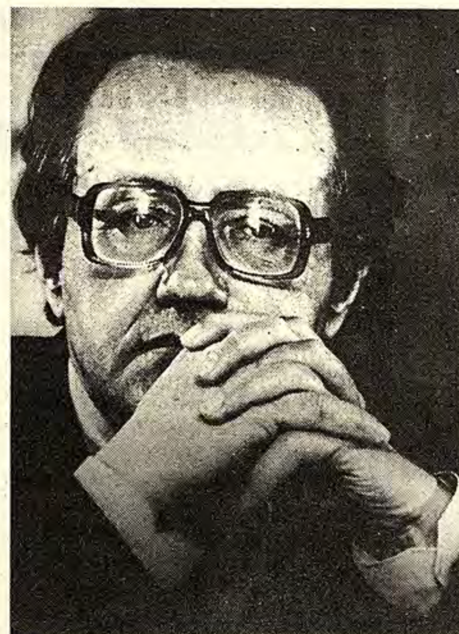
Что же это за главный «фермент»?

Когда к Горбачеву пришла горькая минута — перед самим собой оправдываться, его отторгнули, казалось бы, все, и он искал хоть что-то в свою пользу — он споряще воскликнул: «Никого не приказал убить! Ни одного человека!» (Из воспоминаний В.Коротича по радио «Свобода»)

Можно сиронизировать: сколько на земле людей, никого не убивших! И что — им памятники ставить? Да, но попробуй этого не делать, не сделать, будучи во главе этой страны! Страны Ивана Грозного и Петра Великого, Ленина и Сталина имея за спиной, когда даже либералы, не говоря о компартии, со всех сторон требуют, кричат: «Стукни кулаком! Покажи, что ты власть!» (Стукни, конечно, других, не нас).

Были мы как-то в Польше (Станкевич, Мурашев и еще несколько депутатов из этого же ряда), встречались с руководителями страны, недавними «зеками» Системы. Побывали и у Мазовецкого, тогда еще Премьера. Разговор зашел о Горбачеве. Я с Мазовецким — против остальных. Мы видели в «нерешительности» Горбачева — тактику капитана «Титаника», который уже знает, как бывает, если во-время не заметишь айсберга, ребята уже готовы были списать такого капитана на берег. Они видели уже новую команду, и нового капитана и маршрут новый. Мне же представлялось, что они не видят (и не заметят) главного «айсберга» — ядерного. Тут Горбачеву равных все еще не было. (Да и есть ли сегодня?).

Когда пошли волны от инициатив Горбачева по спасению планеты от ядерной бойни (Женева, Рейкьявик), я стал получать письма такого содержания: Горбачев вас услышал, действует, как по-нотам, — гордитесь! Но я-то знал, что советчики при нем куда аваторитетнее и значительнее: Велихов Е.П., Яковлев А.Н. и др. А когда при первой встрече с ним, я

услышал снисходительное: знаю, знаю, мол, о чем пишешь, выступаешь! — я понял: знает в интерпретации пуговцев или Слюнькова: пацифист! безудержный разоруженец!

С какой стороны я действительно пытался, сознательно старался влиять на него, так именно с этой — внушать, внушать: ты единственный из всех наших царей и вождей, не проливший крови! Лучше уйди, но останься таким. Ничего значительнее сделать человек в российской истории не может, как дать пример не кровавого правления. Про это — в статье «Сахаров и ему подобные». А затем, стоя спиной к Горбачеву, но именно к нему обращаясь на IY съезде народных депутатов. (После заявления Шеварднадзе о грозящей диктатуре). Было это как раз в декабре 90 г., когда Президент заскользил в сторону генералов и полковников. Генералы берут тебя в заложники, они потащат, поволокут к большой крови (а было это как раз накануне Виленских событий), прольют кровь, а руки вытрут о тебя, Президент! А ты ведь единственный лидер советский, на ком крови нет. Помни это!

Когда у него вроде бы все козыри были отняты, он вспомнил про свой главный, единственный: никого не приказал убить! Когда и кто в российской, в советской истории гордился этим: разве что царь Федор Иоаннович. Так его блаженным посчитали, «ненастоящим» царем. Такова история и традиция страны, в которой был поставлен самый кровопролитный эксперимент — коммунистический, и где вдруг объявился реформатор-миротворец.

Чего хотел Горбачев? Власти, пишут последнее время, больше всего власти. Но он прав, когда в ответ говорит, что имел ее и мог ею обладать долго в качестве традиционного Генсека, ну, а позволь он при этом еще и некоторые умеренные «свободы» — от интеллигентской любви и благодарности спасения ему не было бы. Зачем-то начал ломать уже отлаженное, на насилии, на крови, но отлаженное надолго. И скрипевшее бы еще не один год, при всем кризисе экономики. Еще говорят: популярности возжаждал всемирной, любой ценой. Да, это он ценил и не скрывал. Но действовал «для всего мира» в разумном направлении, уводя от ядерной пропасти.

Чего в таком случае хотел? Хотел не стучать кулаком. Хотел не проливать крови, не быть диктатором, тираном (пусть даже таким бессильным, как Черненко). Хотел, чтобы партия не была самодержцем. Да, власти хотел, но в цивилизованной стране. Дело не в том, что хотел, это бы еще не потрясло Систему, не подточило бы ее настолько, что вдруг рухнула в одночасье. Дело в том, что он и действовал так, как хотел (пусть и нерешительно зачастую), отчего сначала еле видимые, а затем «по всей стене» Системы пошли трещины, завибрировала почва под ногами у самой партии, у номенклатуры, — народ действительно стал обретать способность к политическому действию — был момент, когда Горбачев сам испугался результата своей жизненной программы. Вся загадка и разгадка никем не ожидавшегося столь скорого крушения Системы в ней самой: она не допускала изъятия из нее ни одного кирпичика, а Горбачев, а затем и начавшаяся «перестройка снизу» выламывать стали целые блоки.

(Окончание на стр. 8.)

ФОРУМ

АЛЕКСАНДР ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Председатель Объединенной демократической партии Беларуси.

ЧЕМ НАПОЛНИМ СОСУД НЕЗАВИСИМОСТИ...

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВСЕ СОВЕРШЕННО ИНАЧЕ, ЧЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ.

Антуан де Сент Экзюпери

Вот уже год после провала августовского путча Беларусь считается независимым государством. С юридической точки зрения независимость имеет два признака: самостоятельность во внешней политике и распространение власти высших органов государства на всю его территорию. Судя по этим формальным критериям, Беларусь можно назвать независимым государством.

Однако, так ли все просто? Когда можно будет утверждать, что наше государство обладает реальной, а не формальной независимостью? Наверное, первым условием для этого является проведение самостоятельной политики правительством и парламентом. Тому, кто попробует внимательно присмотреться к деятельности этих государственных органов, станет ясно, что в действительности все совершенно иначе.

Может ли правительство усидеть меж двух стульев, пытаясь решать проблемы перехода к рыночной экономике (и то через силу, вопреки марксистским догмам, поскольку иные подходы большинству этих людей просто неизвестны), и одновременно стараясь всеми силами ничего не менять в родной их сердцу системе? Достаточно ознакомиться с основными документами правительства, в которых упор делается на «стабилизацию экономики и выход из кризиса», чтобы убедиться, что это — бег на месте. Полезно было бы знать, куда идти, чтобы выйти из кризиса, но выбор пути еще не сделан. Для того, кто не решил, куда плыть, ни один ветер не будет попутным. Чтобы решиться на реальные реформы, правительству нужно излечиться от социализма, что для нынешнего состава вряд ли возможно.

Если вести речь о парламенте, то смешно утверждать, будто он проводит реальную политику. Только наивные люди поверят, что номенклатурному большинству захочется променять хоть небольшие, но реальные блага, на призрачные перспективы разбогатеть в условиях конкуренции. Конкуренция — это то, в чем меньше всего нуждается любой, кто и сегодня неплохо кормится за счет государственной собственности, а потому ее (госсобственность) трепетно любит и не позволит приватизировать.

Глядя на то, что происходит, я думаю о магической силе утверждения типа «вот создадим сильное государство, национальную армию, установим таможни, введем собственную валюту и обязательно станем жить нормально». Только боюсь я, что в действительности все опять может получиться иначе. Разве не убеждает нас в этом прошедший «независимый» год? Что, если бы была своя армия и валюта, — что-нибудь изменилось бы к лучшему? Приведенное выше утверждение о сильном государстве опасно тем, что уводит от решения важных проблем.

Государственная независимость, несомненно, необходимое условие для решения стоящих перед нами задач. Но далеко не достаточное условие. Независимость создает возможность действовать без диктата сверху, но она не дает никакой гарантии правильных действий. Независимость — это огромная ответственность! Обидно, но мы этого еще не осознали. Безусловно, независимость государства обладает самоценностью, но надо четко представлять себе, при каких условиях она может быть использована на благо общества.

Здесь я хочел бы четко расставить приоритеты.

Во-первых, государство должно быть независимым от других государств, но зависимым от общества, от своих граждан. Уйдя из-под контроля сверху, руководство Беларуси оказалось по-прежнему свободным от контроля снизу, что в условиях тотальной монополии грозит катастрофой. Это означает, что перед нами стоит задача добиться принятия новых, демократических законов о выборах парламента и местных органов власти, а также проведения новых выборов. Необходимо обеспечить возможность контроля за деятельностью государственных органов со стороны нарождающихся институтов гражданского общества.

Во-вторых, государство должно защищать права граждан, но не нарушать их. Для реализации этой важнейшей задачи нужно достичь реальной независимости судебной власти и реформировать судебную систему.

В-третьих, государство не должно быть монополистом в экономике. Только приватизация и предоставление каждому возможности стать собственником создадут предпосылки для реализации прав граждан независимо от воли государств, основу общественной стабильности. Приоритет частной собственности — отличный стимул для экономической активности и хорошее средство искоренения социалистического иждивенчества. Хорошо бы избавиться от мифа о «равенстве всех форм собственности», ведь частный предприниматель рискует своим имуществом, а государство или колхоз — чужим, т.е. имуществом граждан.

В-четвертых, необходимо четко ограничить сферу деятельности государства и при любой возможности ее сужать. Это позволит сосредоточить усилия государственных органов на самых важных проблемах, которые не может пока решить никто другой, уменьшить государственные расходы, приучить людей к необходимости самостоятельного решения своих проблем, снизить вероятность произвола со стороны государства.

В-пятых, в условиях необходимости реального разделения властей нужно приступить к созданию системы взаимного контроля органов власти друг за другом, так называемой системы сдержек и противовесов. Создание Конституционного Суда как гаранта соблюдения Закона сначала правительством и парламентом, а затем — всеми остальными, — важнейшая задача.

В-шестых, следует законодательно преследовать попытки монополизации средств массовой информации. То, что сделал Совет Министров, подмяв под себя все почти сколько-нибудь влиятельные газеты, а также, начав политику «чистки» на радио и телевидении, должно быть запрещено законом как деяние, нарушающее право человека на свободное получение информации.

И, наконец, седьмое. Вопрос о формировании правительства как команды, призванной проводить реформы. Вопрос о твердой исполнительной власти. Это как раз тот вопрос, без решения которого рядовой гражданин не сможет оценить благ независимости. Именно исполнительная власть должна взять на себя основной груз труднейшей работы, в результате которой должны быть созданы условия для роста благосостояния каждого человека. Наиболее эффективный путь формирования дееспособного правительства, по нашему мнению, — это всенародное избрание Президента и утверждение парламентом состава и программы действий правительства, предложенных Президентом. Персональная ответственность Президента и контроль парламента в этом случае будут оптимально сочетаться и дополнять друг друга. Вопрос этот подробно проработан в законопроекте «О Президенте Республики Беларусь», внесенном ОДПБ в качестве законодательной инициативы в Верховный Совет.

До сих пор речь шла в основном о вещах теоретических и формальных. Но есть и целый ряд содержательных и чисто практических проблем. Какой путь развития избрать? Очевидно, что решение сложнейшей задачи перехода к цивилизованному и богатому обществу бесполезно искать в плоскости реализации только национальных идей или новых социалистических экспериментов по «еще более справедливому» перераспределению общественного богатства, «еще более эффективной социальной защите» в условиях всеобщей нищеты. Ключ к процветанию — в стимулировании созидательной творческой и предпринимательской активности людей, в обеспечении свободы человека и его прав. Необходимо отказаться от самоубийственной конфискационной политики, которая удушает производство, решиться на приватизацию, отказаться от поддержки иждивенчества, защищая только самых слабых, а трудоспособным помогая добиться благополучия своими силами.

Предстоит борьба за прекращение утечки умов, сохранение и развитие научно-технического потенциала и повышение конкурентоспособности продукции наших предприятий. А это возможно только в условиях свободной конкуренции и ликвидации монополии государственной собственности. Огромная задача — восстановление нравственного потенциала общества. Но на помощь государства здесь можно рассчитывать лишь в минимальной степени.

Государство должно быть достаточно сильным, чтобы реализовать возложенные на него обществом функции, и достаточно слабым, чтобы не вмешиваться в другие сферы жизни общества и не стать диктаторским государством. Независимость является условием процветания общества, но сама по себе ничего не гарантирует. Она является сосудом, который можно наполнить чем угодно. Пришла пора понять, что надо заботиться не только об улучшении формы этого сосуда, но и о наполнении его живой водой.

ВАЛЕНТИН АКУЛОВ, доктор философских наук, профессор

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРЕВАТЕЛЮ РАДИО «СВОБОДА» ВЛАДИМИРУ МАЛЕНКОВИЧУ

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

В интервью корреспонденту радио «Свобода» я высказал ту мысль, что принцип нерушимости границ, широко эксплуатируемый ныне некоорыми политическими кругами как в СНГ, так и за рубежом, решительно никакого отношения к границам между республиками бывшего СССР не имеет и иметь не может.

Аргументировал я свою позицию тем, что участником международных договоров, о которых идет речь, был СССР как единственный суверенный субъект международного права и что, следовательно, указанный принцип имеет силу применительно к внешним границам СССР, но отнюдь не к внутренним границам между бывшими его субъектами.

Вы оспорили эту мою позицию, ссылаясь на то, что в означенное время субъектом международного права выступал с нашей стороны не только СССР, выступали Белоруссия и Украина как члены ООН. Обстоятельство это побуждает меня продолжить наш диалог.

Если следовать строго логике Вашей аргументации, можно заключить, что, по крайней мере, в отношении других республик Вы признаете мою правоту. А это уже, согласитесь, немало. Но правы ли Вы, делая исключение для Белоруссии и Украины?

Обратимся к текстам соответствующих документов.

В декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 года говорится: «Каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ».

И по духу, и по букве совершено ясно: речь идет здесь о существующих международных границах между государствами, но отнюдь не о границах между субъектами того или иного государства. Мало того, дабы исключить возможность вольных вариаций на эту тему, декларация специально оговаривает: «Ни одно государство или группа государств не имеют права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние дела или внешние дела другого государства. Вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства, его политических, экономических и культурных основ, является нарушением международного права». Но не очевидно ли, что распространение принципа нерушимости границ на границы между республиками СССР именно и явилось бы вмешательством во внутренние дела СССР, прямо было бы направлено против его правосубъектности?

ФОРУМ

ДМИТРИЙ БУЛАХОВ, народный депутат Беларуси

О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ ВЛАСТИ

Я никогда не считал себя политиком и всегда старался просто делать свое Дело. Честно и по возможности профессионально участвовать в подготовке законов, тем более, что это прямо вытекает из статуса народного депутата Республики Беларусь. Но создание законов лежит на стыке права и политики, а должность председателя постоянной комиссии Верховного Совета по законодательству поневоле вынуждает находиться в гуще политических событий. И это естественно, ведь парламент и существует для того, чтобы именно здесь нащупывался и закреплялся нормами права баланс политических сил. На мой взгляд, в работе парламентария можно выделить две важнейшие составляющие — это право и политика. Обобщение довольно грубое, но по сути верное. Первое реализуется путем создания законов, второе — путем борьбы за влияние. Лично для меня неизменным приоритетом было, есть и будет право, ибо слова политиков чаще всего словами и остаются, закон же должен действовать и действовать по возможности эффективно.

Создание и шлифовка законов, особенно в такое бурное время, — задача чрезвычайно сложная и крайне тяжелая. Те, кто предлагает простые и быстрые решения, явно блефуют. Сегодня еще очень туманны контуры экономического и политического развития нашего государства, только в первом приближении, в муках и с ошибками нащупываются пути решения многих проблем. Миллионы новых, ранее неизвестных и часто непредсказуемых факторов определяют нестабильность общественной жизни и положения государства, подвергаются ревизии даже основы морали и нравственности. Правда, сама работа по созданию новой правовой основы государства внешне носит рутинный характер, она не видна со стороны, ее плоды невозможно вкусить в короткий промежуток времени. Эта деятельность требует не столько внешней, сколько внутренней эффективности за счет кропотливой и тщательной подготовительной работы. Если делать ее серьезно, на шоу перед микрофоном, телекамерой или на площади времени не хватит. Отдавая предпочтение этой работе, трудно сколотить политический капитал, невозможно заработать громкую популярность, а значит и на влияние рассчитывать сложно.

Воистину, двум господам невозможно услужить. Ну, а поскольку кредо любого политика — быть на виду, владеть умами и душами людей, ибо эти люди в итоге будут голосовать «за» или «против», большинство сегодняшних политических лидеров отдают предпочтение работе на публику. Дешевый популизм, замешанный на ораторских способностях «опытных кадров» или «борцов за демократию», а также большевизм — основы стратегии и тактики многих наших нынешних официальных и теневых политических лидеров вне зависимости от их политической окраски.

Я лично смертельно устал от политических игр и кухонных интриг, которые плетут вокруг друг друга те, кто у власти и те, кто к ней прорывается. Разговоры о нравственности в политике, которые иногда с умным видом затевают сегодняшние политические оппоненты — на мой взгляд, вершина лицемерия. Не могу говорить о других странах, но утверждение одного из депутатов о том, что в нашей республике игры в политику ведутся без правил и строятся по принципу «цель оправдывает средства» — разделяю. Те, кто старается действовать честно — не в счет, их слишком немного и эти люди похожи на белых ворон. Очень жаль, но применяя формулу Уинстона Черчилля, — политик отличается от государственного деятеля тем, что думает о новых выборах, а не о делах государства, — следует признать, что политиков у нас куда больше, чем государственных деятелей.

На фоне этих размышлений меня все более тревожит проблема выбора, перед которой рано или поздно встанет большинство населения республики при формировании нового Верховного Совета. Я отнюдь не считаю, что выборы должны состояться так скоро, как того желают представители второй волны кандидатов в депутаты, именующие себя представителями партий парламентского типа. Формирование таких структур можно только приветствовать, ибо реальная многопартийность — важнейший элемент демократии. Но вот вопрос — реальна ли многопартийность в нашей республике? Ведь подавляющее большинство населения не только не знает о различиях в платформах этих партий, но зачастую и не слышала об их существовании. Это особенно характерно для сельских районов, где проживает значительная часть избирателей республики. А раз так, то ставку в борьбе за голоса новым партиям придется делать не столько на правоту своих идей (тем более, что набор этих идей удручающе однообразен и слова о демократии, прогрессе, рынке, социальной справедливости одинаково заездили как правые, так и левые), а на популярность конкретных личностей, которые будут эти идеи представлять.

Вот тут-то, пожалуй, и следует пристальнее вглядеться в ситуацию.

Безотносительно к тому, какая модель государственного устройства будет заложена в новой Конституции (парламентская или президентская республика, советская или муниципальная форма местного самоуправления) от новой власти потребуются не слова, а дела. Дело же успешно могут делать профессионалы, обладающие не только опытом разговоров, но и умеющие выполнять обещания. Во всяком случае, эти люди должны иметь четкое представление о механизмах реализации своих лозунгов и идей. Если говорить о парламенте, то кроме желания в нем работать, еще необходимо умение. Так ли много на нынешнем политическом небосводе людей, обладающих подобными навыками? Увы — их практически нет. Зато очень много тех, кто говорит о необходимости принятия или изменения тех или иных законов. Лихо отвечают они на два извечных вопроса — что делать и кто виноват. Плохо лишь то, что за поисками врагов и рассуждениями на тему «что делать?» не видно вовсе четкого представления о том, КТО и КАК это будет делать. А ведь создание закона — очень сложный технологический процесс, не менее сложный, чем, скажем, сборка компьютера или выплавка стали. Нормальному человеку и в голову не придет браться за дело, сути которого он не представляет. Странно, что у нас это не относится к деятельности верховной власти, хотя большевистский лозунг о кухарке, управляющей страной, все дружно ругают. Существует некий комплекс «большого начальника», выдающего поручения, только вот неясно кто и как эти поручения должен исполнять. Очень характерна в данной связи критика, которой сами же депутаты подвергают принятые Верховным Советом законы и иные акты. Лично я каждый раз не могу понять одного — кто им-то мешал сделать закон хорошим? Я не затрагиваю здесь вопросов принципиальных политических разногласий, это особый разговор о соотношении меньшинства и большинства, об умении убеждать силой аргументов, а не силой ультиматумов, о готовности слышать другую сторону и признавать за ней право на собственную позицию.

Я говорю пока только о технике исполнения, о том минимальном вкладе, который наши критики уже сегодня могли бы внести в работу парламента, но не вносят. Действует, ох как действует комплекс «большого начальника», некогда ему размениваться на «мелочи» работы по созданию законов, куда проще и эффективнее высказывать мудрые мысли, особенно если они вам не принадлежат, разоблачать виноватых и клясться в любви к народу. Между прочим, дело при этом стоит — ведь ничего, кроме сотрясения воздуха, не происходит.

Эти заметки никоим образом не претендуют на исчерпывающий анализ ситуации на политическом олимпе республики. Это всего лишь размышления о роли субъективного фактора в формировании профессионализма власти. Существуют еще целый ряд объективных причин, влияющих на этот процесс. Однако даже такой, достаточно беглый взгляд на проблему дает основания полагать, что скорой стабилизации политической обстановки в республике ожидать не приходится.

Второй вывод заключается в том, что даже признав в Конституции необходимость создания профессионального парламента, профессионалов в парламенте, да и иных властных структурах мы, скорей всего, не получим еще очень долго. Не думаю, что эти выводы дают повод для пессимистических настроений. В конце концов, каковы будут представители новой власти — решит народ. Хотелось бы только, чтобы принимая на выборах решение «за» или «против», каждый вспомнил, что не все то золото, что блестит.

Обратимся к заключительному акту совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года. Читаем (раздел III): «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться от любых посягательств на эти границы». И далее (раздел IY): «Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников».

Как известно, ни Белоруссия, ни Украина не были прямыми участниками подписания данного международного правового акта. По Вашей логике получается, что членство в ООН уже есть достаточное основание для признания статуса полноценного субъекта международного права. Думаю, Вы ошибаетесь. Вы не приняли во внимание, что для подобного рода статуса международное право предполагает так называемый «принцип суверенного равенства». А это, между прочим, означает, что искомым статусом может обладать лишь государство, пользующееся правами, «присущими полному суверенитету». Совершенно очевидно, что никакой субъект федерации искомому требованию не удовлетворяет, ибо уже по определению не обладает полным суверенитетом.

В заключение обратимся к Венской конвенции и правопреемстве государств в отношении договоров от 27 августа 1978 года. Ее 35-я статья, касающаяся положения, когда государство продолжает существовать после отделения части его территории, гласит: «Когда после отделения любой части его территории государство-предшественник продолжает существовать, любой договор, который в момент правопреемства государств находится в силе в отношении государства-предшественника, продолжает находиться в силе в отношении сохранившейся его территории, за исключением случаев, когда:

а) существующие государства договорились об ином;

в) установлено, что договор относится лишь к той части территории, которая отделилась от государства-предшественника; или

с) из договора явствует или иным способом установлено, что применение договора в отношении государства-предшественника было бы несовместимо с объектами и целями этого договора или коренным образом меняло бы условия его действия".

Как известно, Российская Федерация (Россия) признана мировым сообществом в качестве единственной правопреемницы СССР и, следовательно, ее отношения с другими республиками бывшего Союза полностью подпадают под вышеуказанную 35-ю статью Венской конвенции. И в печати, и в своем интервью радио «Свобода» я как раз и обращал внимание на то, что принцип нерушимости границ, признанный в свое время СССР, в условиях его распада существенно меняет ситуацию для России, «несовместим с объектом и целями этого договора», «коренным образом меняет условия его действия», а потому не может налагать в этой части на Россию никаких международных обязательств в ее отношениях с бывшими республиками СССР. Все эти вопросы должны стать предметом специальных договоров и соглашений.

Осознаю в полной мере: обвинений в «имперских амбициях», «великорусском шовинизме» не избежать. Но что же делать? Не призывать же в свидетели своей невинности Господа Бога — ему ли свидетельствовать в наших суетных мирских делах? Скажу лишь, что как человек, имеющий некоторое касательство к науке, я следую совету старика Спинозы: не плакать, не смеяться, а понимать.

Политика, которую проводят бывшие республики СССР в этом очень непростом вопросе, — это политика, которую саркастический граф Витте назвал както «политикой молодого человека». Кровавые ее результаты мы видим сегодня в Карабахе, Южной Осетии, Приднестровье.

И когда же наши власть предержащие поймут, наконец, что жизнь следует не их «выбору», а своей собственной внутренней логике? Когда же, наконец, уразумеют, что, вопреки известной максиме, дело не может быть прочно, когда под ним струится кровь?

АЛЕСЬ АДАМОВИЧ

«... ИЗ ТЕХ, КОТОРЫХ ТЫ МНЕ ДАЛ, Я НЕ ПОГУБИЛ НИКОГО ...»

(Окончание. Начало на стр. 5.)

Ну, не могу не повторить когда-то высказанную мысль (в статье «Не убий человечество», газета «Megapolis Express» от 6 февраля 1992 г.), еще и тот довод, что действовал Инстинкт выживания человеческой популяции: ведь все катилось к погибели самой жизни на планете. Но почему Великий Инстинкт не работал при прежних руководителях, не помогал и не помог, а тут вдруг сработал? Благодаря Горбачеву или через Горбачева? Сошлось, видимо, многое в жизни всей планеты, но что-и личность, качества Горбачева имели огромное значение, как можно отрицать это?

И все равно изначальное чувство — сомнение остается: трудно поверить, что столь немногое решительно сдвинуло, как длинннющий рычаг, все в мире. Какое-то: не убий! не могу убить! — в одном человеке. Но, во-первых, этот один находился на самом средостении власти — и какой власти! Рычаг действительно мощнейший. Но главное, власть эта была по самой природе своей замешана на насилии, на крови. И действовал необычный Генсек не столько с помощью власти, им обретенной, а в основном гипнозом этой мощнейшей власти парализуя ее же, а-точнее, ее механизмы (КГБ, партийные органы, армию). Помните, как мы восприняли известие: шахтеры объявили забастовку! (После Первого съезда народных депутатов). Впервые за целый почти век — в условиях этой Системы. Было ожидание и страх: ну, здесь они не стерпят, сработает жестокий, выработанный за десятилетия рефлекс. Не повторился бы Новочеркасск!

И действительно: лечился я в то лето в Железноводске, знакомый врач из соседнего «цековского» санатория мне сообщил:

— А мои обкомы и крайкомы снялись с места, рванули в Москву на партийный пленум. Ра-ады, не скрывают. Мол, хватит цацкаться, партия наконец покажет, что она сила, власть.

Мы всматривались в телеэкран, вчитывались в газеты: отведет ли и как отведет беду-угрозу Михаил Горбачев? И снова авторитет Генсека оказался для аппаратчиков непреодолимым. А потом вот так же: введут или не введут танки в Литву (когда литовцы обьявили независимость), как отреагируют на антирыжковский митинг москвичей? И т.д. и т.п. Ясно, что возможности Генсека парализовать насильственные функции власти, ее институты, с каждым разом сокращались. Как шагренева кожа. Это заметно было по партийным пленумам, все более агрессивным по отношению к Горбачеву. А на 28-м партсъезде был почти открытый бунт: или отстранить Горбачева от мощного генсековского партрычага или хотя бы приставить к нему «второго», который мог бы перехватить власть в партии над процессами, происходящими в стране, в народе. Помните тот решительный момент: секретарь Магаданского обкома поднимается, бледный от решимости и важности возложенной на него миссии, заявляет: отстраняем прежнее руководство партии, всю власть на себя принимает съезд, голосуем немедленно! Как еще не сказал: закрыть все двери, Горбачева не выпускать!

Вот писали много, говорили в дни, когда гневались на Горбачева мы, «левые» — за нерешительность, уступки «правым» — мол, ему только власть удержать, больше ничего не интересует его. Да, властолюбие — его качество, невозможно это отрицать. И усилий, дипломатии, политической хитрости, ловкости, изворотливости немало употребил, чтобы подольше не выпустить ее из рук. Останавливаясь лишь перед одним — перед кровью. Ведь на самом деле человек по имени Михаил Горбачев, казалось бы, мало отличается от тех, кто работал с ним рядом на таких же или близких должностях. Дитя аппарата, почти со всеми аппаратными качествами и недостатками. Вспоминая депутатские съезды, перечитывая стенограммы невольно склоняешься к этой мысли. Какая цепкость и даже изворотливость в стремлении удержать и расширить свою власть. Ну разве не то же самое, что отличало и других генсеков?

Тогда что же отличает его от них всех, что все-таки сделало его могильщиком Системы?

Да, все у него, как у всех, кроме одного. Он из тех редких не только среди генсеков или аппаратчиков, людей, которым природой не дано (или наборот, дано) — он не способен отдать приказ пролить кровь, даже в интересах удержания власти. Наступив на кровь, куда его всячески приманивали аппаратчики, генералы и вообще «правые» (Баку, Вильнюс), он немедленно отпрянет, путая планы, расчеты, даже если и сам к ним имел какое-то отношение. Именно за это гневно клеймили и клеймят Горбачева Алкснис, генерал Варенников, обзывая его предателем. Да, останавливался лишь перед одним — перед кровью. Но этим самым обессиливая саму власть (партии и ее «вооруженных отрядов») над разбуженным народом. Власть так и не удержал в своих руках, но за это время процесс обессиливания власти и формирования демократических сил общества зашел так далеко, что когда партократия решилась наконец действовать вопреки Генсеку, отстранив его от партийных рычагов, было уже поздно.

Весь мир заметил и отметил нелепость и самоубийственную для путчистов «неграмотность» действий. Например, загромоздили всю Москву танками, демонстрируя силу, а как оказалось, тем самым лишь провоцируя сопротивление москвичей, народа. Но очень уже долго им не терпелось распрямить затекшие мускулы, застоялись, засиделись, связываемые по рукам и ногам Генсеком — наконец, можно! Почти рефлекторные действия столько лет бездействовавшей, бездейственной власти, воспитанной и выросшей исключительно на насилии.

Систему тоталитарного насилия разрушил самый нерешительный из Генсеков. Разрушил чем? Нерешительностью? Ненасилием?

Индия ненасильственным способом вызволилась от внешнего, английского колониализма. Наша страна — от внутреннего, коммунистического. Это ли не торжество ненасилия в мире, нашпигованном оружием и идеями глобального насилия? Загадка? Да, загадка Горбачева остается. Ее будут разгадывать снова и снова.

Как же они сегодня кусают локти: поздно спохватились! Сколько же они, проигравшие в масштабах истории, выльют на него грязи.

Так будем хотя бы мы справедливы. И благодарны.

Апрель 1992 г.

КОЛЛАЖ

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

* * *

«Именно масоны явились руководящей силой в февральской (1917 г.) революции, они расставили своих людей на важнейшие посты во Временном правительстве. В 1922 году масонские ложи в нашей стране опять были запрещены. С тех пор масонство, безусловно, изменилось. Каких-то 10 лет назад, как по мановению волшебной палочки, все газеты мира заговорили о крупном политическом скандале в Италии, связанном с разоблачением неблаговидных деяний ложи «П-2». И вот теперь пишут, что масоны возобновляют свою деятельность в СНГ. Можно подумать, что для полного счастья нам только и не хватает ложи «П-3». (Евгений Семашко «Были ли масоны в Беларуси?» — «7 дней», 22–28 июня 1992 г.)

Заместитель главного редактора журнала «Политический собеседник», известный своей неутомимой борьбой с «масонами», очевидно, знает, что говорит. Жаль только, что автор не указывает, есть ли зловредные масоны в нынешнем правительстве Беларуси, при содействии коего в последнее время было заключено немало выгодных контрактов с участием итальянских фирм, а также — страшно сказать — израильских!

* * *

«А скажут, например, вдруг: — Дай характеристику на нашего брата мужика! — И долго будешь чесать и тут, и там: что давать–то? Если в стиле Штирлица, то выглядеть это будет примерно так: «Характер нордический, выдержанный, неблагодарный. Отличный бабник. В связях, порочащих его, замечается регулярно. Отменный пьяница. В работе ленив. Боится начальства. Мастер подхалимажа. Нечист на руку. Может незаметно украсть все, что попадет на глаза. В быту неисправимый грязнуля. Умелый сплетник. Большой нахал. В нежности, благородстве и рыцарстве замечен не был...» Резковато? Не думаю, братцы. Надо же иногда смотреть на себя трезвым взглядом". (Павел Стасевич. «В связях, порочащих его, замечается регулярно...» — «Народная газета», 11 июля 1992 г.).

Самокритика — вещь замечательная, особенно когда она такая обобщающая... И все-таки хочется уточнить: относит ли автор статьи эту характеристику «в стиле Штирлица» к себе самому, своим друзьям, родным, коллегам? Или имеется в виду какой-то другой «наш мужик»?

* * *

«Особенно выделялся... Станислав Шушкевич, который едва успев залечить колотую рану, полученную на строительстве личной дачи, отправился за тридевять земель — способствовать в деле объединения некогда единой Кореи». (Николай Щербаченя. «Топор и кельма — оружие военных?» — «Рэспубліка», N 161).

А что если бы у Шушкевича не было дачи? Чем тогда бы пробавлялись наши газеты? «Дача Шушкевича» — это предел свободомыслия нашей журналистики.

* * *

«Лицензиат права» — так аттестован Чрезвычайный и Полномочный посол Испании в Беларуси Эухенио Бреголат Обиолс в официальной справке, подготовленной отделом информации МИД РБ в содружестве с «Белинформом». То, что в нашем МИДе засело неграмотное номенклатурно-партийное чиновничество, факт печальный, но вполне понятный. А вот то, что ни в одной белорусской газете, напечатавшей эту справку, не нашелся сотрудник, который исправил бы «лицензиат» на «лиценциат», — это свидетельствует о культурных высотах нашей журналистики. Идем в Европу, ребята?

* * *

«... с XIII века белорусская земля не допустила ни одного еврейского погрома» (Министр иностранных дел РБ Петр Кравченко в интервью «Комсомольской правде», 28 августа 1992 г.).

Министру следует лучше знать историю родной земли. В эту историю вошли кровавые погромы в Гомеле (1903 г., был шумный судебный процесс, о котором писали В.Г.Короленко, В.Г.Тан-Богораз), в Орше, в Белостоке (1904 г.)...

* * *

«...элементарная справедливость требует признать, что ятвяжский язык — это обработанный местный диалект, родной для ятвягов, и с лингвистической точки зрения он гораздо больше органичен, чем явно искусственный современный белорусский язык, чуждый большинству населения Белоруссии». (Анатолий Гливаковский. «Империя зла» развалилась — что дальше?" — «Москва», 1992; февраль–апрель).

Вот и наши полешуки дождались поддержки из российской столицы. Конечно, из «Москвы» виднее, какой язык органичнее — ятвяжский или современный белорусский. Не худо бы только помнить А.Гливаковскому, что на языке, который он называет «чуждым большинству населения Белоруссии», созданы литература, театр, что его считают своим родным миллионы людей.

* * *

«И то спокойствие, с которым народ воспринял расчленение России с Украиной и Беларусью, — это признак поражения народной души». (Диакон Андрей Кураев в беседе с журналистом Александром Афанасьевым «Не кровь, но почва» — «Комсомольская правда», 18 августа 1992 г.).

Нет, отец Андрей, это прежде всего признак поражения коммунистической идеи. Что же до кровного, духовного братства русских, украинцев и белорусов, то оно проверено веками и, хочется верить, устоит под напором сегодняшних националистических спекуляций.

* * *

«...необходимо объявить и без промедления приступить к разработке программы особого (чрезвычайного) периода интенсивной белорусизации страны, например, на три или пять лет (Евгений Ширяев.» Критическая ситуация — радикальные меры". — «Літаратура і мастацтва», 7 августа 1992 г.).

Итак, кандидат на пост председателя нового ГКЧП известен. Московский профессор Е.Ширяев. Кто члены?

БИБЛИОГРАФИЯ

МОРИС ДРЮОН И ДРУГИЕ

Традиция французско-беларусского художественного перевода восходит к началу XX века и непосредственно связана с творчеством замечательного нашего поэта Максима Богдановича. Именно ему принадлежат блестящие переводы поэзии Поля Верлена, среди которых такие шедевры, как «Осенняя песня», «Плач сердца моего», «Рояль целует тонкая рука»...

В 20-30-е годы в Белоруссии появились переводы произведений Бодлера, Бомарше, Гюго, Доде, Мопассана, Мериме, Рабле, Франса и других французских писателей. Переводом в этот период активно занимались Ю.Гаврук, Ю.Левонный, Я.Мавр.

В послевоенный период благодаря Э.Огнецвет, Н.Матяш, Ю.Гавруку, Я.Семежену по-белорусски «заговорили» Г.Аполлинер, Ж.Беранже, А.Моруа, Ж.Сименон, А.де Сент-Экзюпери, П.Элюар.

В 80-е годы в белорусско-французский художественный перевод приходят А.Асташенок, Л.Казыро, Д.Колос, А.Истомин, О.Мороз, С.Шупа. Представители нового поколения белорусских переводчиков и подготовили антологический сборник «Французская новелла XX века», который недавно увидел свет в издательстве «Мастацкая літаратура».

Книга открывается лаконичной, но весьма содержательной вступительной статьей составителя сборника Л.Казыро, который знакомит читателя с состоянием и эволюцией новеллистического жанра в современной литературе Франции. На страницах сборника французскую новеллу представляют такие известные мастера художественного слова, как Э.Базен, М.Дрюон, А.Камю, П.Куртад, А.Моруа, Ф.Саган, Н.Саррот, Ж.-П.Сартр... Из этого, далеко не полного перечня имен видно, что читателя ожидают встречи с различными авторами — различными по степени таланта и идейно-тематической направленности своих произведений, различными по художественной манере и эстетическим идеалам, различными по возрасту, характеру и той роли, которую они играют в литературном процессе своей страны. Однако, всем им присуща одна общая черта — это обостренное внимание к человеку, к внутренним причинам его поступков и поведения, к самым тонким и затаенным движениям человеческой души...

Сравнительный анализ белорусских и французских текстов со всей убедительностью показывает, что переводчики этого издания А.Асташенок, Л.Казыро, Д.Колос, О.Мороз вышли на высокий уровень адекватности при трактовке оригинала. Переводы выполнены на хорошем художественном уровне, гармонично передают всю палитру семантики и стилистики французских произведений, натурально и органично звучат на белорусском языке.

Новая книга белорусских переводчиков внесет свою лепту в актив французско-белорусских не только литературных, но и общекультурных связей.

Л. Алексеев

НЕТ ПОВОДА ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА

(Окончание. Начало на стр. 4.)

— Возможно ли их уничтожение на территории нашей республики?

— Нет. В Беларуси уничтожение невозможно. Это слишком сложная проблема, требующая разрешения специальных вопросов.

— Предполагается ли участие вашего института в решении проблем уничтожения ядерного оружия?

— Институт сегодня является ведущей научной организацией в области контроля за ядерными вооружениями. Главное — вопрос гарантий. Ведь пока ядерное оружие остается на вооружении, должны охраняться и секреты — государственные и технологические — которые в него заложены. Поэтому процедура контроля не должна быть инклюзивной — т.е. не должна допускать возможности получения разведданных путем анализа. Военные могут утверждать, что они гарантируют надежную охрану ядерных объектов. Но в эпоху всеобщей нестабильности, по моему мнению, все нужно подвергать сомнению. Каждый ядерный боеприпас имеет, так сказать, свой «отпечаток», его можно определить по радиоактивному излучению. Это позволяет отличить боеприпас от его макета.

В контроле за уничтожением ядерного оружия, выводимого из республики, на мой взгляд, должны быть заинтересованы все, включая Россию. Ведь процедура вывода будет продолжаться лет десять...

— Давайте вернемся к проблемам атомных станций и в частности, к проблемам чернобыльским. Какие последствия, на ваш взгляд, имели пожары в чернобыльской зоне?

— Повода для беспокойства я не вижу. Насколько мне известно, службой радиационного контроля повышение фона там не зафиксировано. Хотя нельзя исключить полностью возможность нарушений в работе служб контроля в каких-то звеньях.

— Ваше политическое и моральное кредо?

— Во главу угла я ставлю интересы человека, приверженность христианской морали. Всегда исходил из того, что никакие, даже самые глобальные интересы не стоят слезинки одного ребенка. Вместе с тем, я считаю, что народу необходима мощная, надежная армия. Мы живем в реальном мире. И кто сегодня даст гарантию, что ситуация не изменится, скажем, через 10 лет, и маятник разоружения не качнется в другую сторону. Во имя национальных интересов и работает наш институт.

P.S. НИИ ядерных проблем создан в 1986 г. В институте существует 9 лабораторий, два крупных отдела. Здесь работают 350 человек, из которых 105 — научные сотрудники. Объем финансирования в первом квартале этого года составил 15 млн.рублей (без учета индекса цен).

Записала Л. Ключникова

От редакции : Оставим в стороне высказывания ученого по поводу христианской морали и национальных интересов. В конце концов, каждый может понимать их по-своему. Несколько странно, однако, выглядит спокойствие директора атомного института в связи с последствиями пожаров в чернобыльской зоне. С момента интервью прошло уже немало времени. В результате летних пожаров в зараженной зоне ситуация еще более усугубилась: радиоактивный фон повысился в несколько раз! Между тем, в республике до сих пор не создана с и с т е м а радиационного контроля... Бесспорна необходимость контроля за выводом ядерного оружия и сохранения возможных ядерных секретов. Но так же бесспорно и другое: так называемый «чернобыльский синдром» вызван не только и не столько психологической реакцией населения, а в первую очередь — вялыми и явно недостаточными действиями правительства Беларуси, для которого Чернобыль превратился во второстепенную проблему.

ИСПОЛНИЛОСЬ 105 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШАГАЛА

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО РАЯ ИЛИ ПОПЫТКА АВТОРЕЦЕНЗИИ

На могиле Юлия Пэна, учителя Шагала. Во время киносьемки.

Сентябрь 1991 года. Витебск. КГБ. Начальник областного управления госбезопасности в беседе с директором будущего фильма «Когда Витебск был Парижем» интеллигентен, любезен, блещет эрудицией... Шагал, Малевич, Витебск 20-х годов? О, это не просто интересно. Такой фильм давно нужен! Можно ли снимать здание комитета? (Это здание — бывший дом губернатора с видом на старинный парк и обелиск в память 1812 года.) Конечно. Только не нужно при съемках использовать дымы... Время сейчас напряженное — кто знает, что придет на ум простым гражданам?.. В завершение разговора собеседник предлагает показать съемочной группе подземные казематы. Но в ее планы это не входило...

Сейчас, когда Витебский горсовет переименовал улицу Дзержинского в улицу Покровскую, когда старое одноэтажное строение на этой улице, известное как «дом Шагала» (в чем, правда, есть некоторые сомнения) стало объектом чуть ли не всемирного паломничества киношников, когда в Витебске стали регулярно проводиться Шагаловские чтения, когда в местной картинной галерее вот-вот откроется постоянная экспозиция, посвященная творчеству великого мастера, когда... Так вот, когда намечается уже нечто похожее на «шагаломанию», а напоминания о том, что Шагал родился не в России (как написано в Большом энциклопедическом словаре, изданном в Москве в 1991 году!), не где-нибудь, а именно на Беларуси, становятся уже навязчивыми, как-то вроде не очень удобно вспоминать, что в «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі» (ЭлімБел) Шагал назван «французским живописцем и графиком». И стоит ли говорить о том, что заявки на съемки фильма о Шагале — а таких заявок было немало в 70-80-е годы — остались погребенными в каких-то начальственных столах на Белорусьфильме и Гостелерадио? Что ж тут удивительного? Удивительно другое: и в «эпоху перестройки и гласности» и в посткоммунистическую эпоху создание фильма о Шагале на Беларуси осталось проблематичным. Документальное кино, которое всегда считалось «некассовым», в условиях зарождающегося кинорынка, прекращения госдотаций и существующей монополии государственного проката, стало первой жертвой этого «рынка».

В таких условиях решение независимой студии «Фобос С.» в прошлом году снять фильм о Витебске 20-х могло показаться более чем рискованным. Но соблазн был велик. Потому-то автор этих строк в ответ на предложение режиссера Владимира Бокуна написать при его участии сценарий на эту тему, имел нахальство ответить согласием. Именно нахальство. Ибо, как теперь отчетливо ясно, пытаться в получасовом фильме, снятом в рекордно короткие сроки, разгадать загадку творчества Шагала, постичь его «Евангелие», разгадать тайну отъезда художника, его взаимоотношений с Малевичем, другими петроградскими авангардистами, понять феномен Витебска 20-х годов — было самонадеянностью неофитов.

Небезинтересно сейчас вспомнить транформацию названия фильма. Певоначально сценарий назывался «Евангелие от Марка» — с претензией на философское обобщение. Затем — сухо и формально, «географически»: «Витебский квадрат» (Тут, конечно же, и аналогия с «Черным квадратом» Малевича). И только почти в самом конце работы над лентой родилось эпатажно-ностальгическое «Когда Витебск был Парижем».

Ностальгический момент стал ключевым в фильме, снятом в городе, где практически ничего уже не осталось от довоенного Витебска. Этому немало способствовало мастерство кинооператора Семена Фридлянда, его особое умение видеть и передавать чувство через изображение. Собственно говоря, насколько позволительно здесь об этом судить, фильм получился не о Шагале, не о Малевиче и УНОВИС, не об авангарде 20-х, центром которого волею судеб стал провинциальный Витебск, а о нашей сегодняшней ностальгии о том ВИТЕБСКЕ, которого сегодня нет и не будет никогда. Не случайно одной из главных смысловых сцен в киноленте стала встреча внучатого племянника Марка Шагала Юрия Всеволодовича Корниенко, бросившего все свои дела и приехавшего в Витебск ради съемок фильма про его великого деда, с нынешними обитателями «дома Шагала» — семьей Мейтиных. В словах, мыслях, облике этого ленинградского интеллигента-инженера — некие отблески чего-то давно ушедшего, ушедшего вместе с Марком Шагалом. (Кроме всего прочего, поразительно внешнее сходство племянника и дяди.).

Эти отблески есть и в воспоминаниях бывших учеников Шагала — скульптора Заира Азгура и Витебского краеведа Валентина Зейлерта. Есть они в кадрах кинохроники, старых фотографиях...

Действительно ли Витебск той поры был «малым Парижем», как называл его Шагал в своей книге «Моя жизнь», как называли другие художники-современники, или это всего лишь красивая легенда, миф? В сущности, это не так уж важно. Ведь и Витебск, запечатленный на полотнах Шагала, тоже «всего лишь» миф, воспоминание об утерянном рае, которого нет и не может быть на земле. А не в том ли весь секрет, что фантастические образы художника сами по себе — едва ли не большая реальность, чем Витебск былых времен?

И если верно, что творчество Шагала связано пуповиной с его родиной, с Витебском, то так же верно и то, что Витебск без имени Шагала рядом — это уже не Витебск, а всего лишь название, некий географический квадрат или точка в системе координат истории. Нечто, лишенное цвета, смысла, жизни. Звучит как апология Марка Шагала? А почему бы и нет?..

Вит. Тарас

М. ШАГАЛ

ЛИСТКИ

Пара слов, друзья, на тему, на которую вы предложили мне написать доклад —

Мое мнение об еврейском искусстве.

Прежде всего — как долго ведется в кругах еврейских деятелей искусства спор вокруг так называемого «еврейского искусства»?

В шуме и огне выделилась группа еврейских художников, а среди них и Марк Шагал.

Будучи еще в Витебске, когда это несчастье случилось, после своего возвращения из Парижа, я усмехнулся в сердце своем. Занят я был тогда другим. С одной стороны, «новый мир» евреев, тот самый мир, который так ненавидит Литваков. Улички моего города, зеленые евреи, дяди и тети со своими вопросами:

— Благодарение Богу, ты уже вырос, стал взрослым!

И я их поддерживал в этом заблуждении.

С другой стороны, тогда я был моложе на сто лет, и я любил их, просто любил.

И это меня больше захватывало, чем мысль, что меня причисляют к еврейским художникам.

Еще тогда в Париже, в моей комнате в «Ла-Руш», где я работал,я слышал через испанское окно, как картавят голоса еврейских эмигрантов:

И что же ты думаешь, в конце концов, Антокольский не еврейскийхудожник? И ни Исраэльс, ни Либерман?

Лампа горела так тускло, и освещала мою картину, которая стояла вверх ногами (так я работаю — полюбуйтесь на меня!).

И в конце, когда под утро парижское небо освещалось, я радостно посмеивался над тяжкими мыслями своих соседей о судьбах еврейского искусства.

Ладно, вы разговаривайте, а я буду работать.

Представители всех стран и народов! К вам мое обращение. (Я не могу не вспомнить о Шпенглере).

Признайтесь теперь, когда Ленин сидит в Кремле, нет ни полена дров, дымит, жена сердится,— понимаете вы теперь «национальное искусство»?...

Есть у вас теперь «национальное искусство»? Ты, мудрый немекий Валдеман, и вы, другие, проповедующие интернациональное искусство, утонченнейшие французы Меценже и Глейз (если вы еще живы), вы ответите мне:

— Шагал, ты прав!

Евреи, если им это нравится (мне — да), могут плакать о разных штучках на деревянных синагогах в местечках (почему я с вами не в одной могиле).

И резчики деревянных синагогальных (...) — «ША!» (увидел в коллекции (Анского) — испугался) — сошли на нет. И что за разница,собственно, между моим хромым могилевским прадедом Сегалом, который расписал могилевскую синагогу, и мной, который расписал еврейский театр (хороший театр) в Москве?

Поверьте мне, у нас обоих осталось немало вшей, пока мы валялись на полу в синагогах и в театрах.

К тому же я уверен, что если меня побрить, вы увидите в точности его портрет.

Кстати, мой отец.

Поверьте мне,немало трудов я положил, не меньше любви и многого другого мы потратили. Оба.

Разница только в том, что он был самоучкой, а я учился в Париже, откуда он тоже получил весточку.

И все же и я, и он, и другие (есть такие)еще не составляем еврейского искусства, взятого в целом.

И почему-таки не сказать правду?

Откуда оно должно взяться? Упаси боже, если оно должно появиться по какому-то приказу!Оттого, что Левитан даст мне «академический паек».

Было японское искусство, египетское, персидское, греческое.Но уже со времен «Ренессанса »начался закат национального искусства.Границы пропадали. Появлялись художники-индивидуумы, подданные того или другого государства, родившиеся там или тут (благословен ты,мой Витебск) и нужно иметь хорошую регистратуру или быть паспортистом (еврейского отдела), чтобы расклассифицировать всех художников по национальностям.

И все же мне кажется:

Если бы я не был евреем (с тем содержанием, которое я вкладываю в это слово), то я вообще не был бы художником, или был бы каким-то другим.

Еще новость! Я про себя знаю очень хорошо, что может натворить этот народец.

К сожалению, я скромен, и я не могу выговорить, что он может натворить.

К слову сказать, что этот народец уже натворил!

Ему вздумалось, и он показал Христа и христианство.

Захотелось ему — он дал Маркса и социализм.

Может ли быть, чтобы он не показал миру, каково искусство?

Он покажет.

Убейте меня, если нет.

«Штром», 1922, N 1.

Редакция благодарит Ю.В.Корниенко за представленные материалы из его личной коллекции.

ГУРИЙ БАРЫШЕВ, доктор искусствоведения

ВОЗРОЖДЕНИЕ: ФОРМА И СУТЬ

В удивительное время мы живем — противоречивое и динамичное. Общество бурлит, расслаивается по достаткам, языку, культурным интересам и вкусам, взглядам на историю и государственность Беларуси. Идет процесс, чем-то напоминающий творение хлеба. У профессионального хлебопека это процесс тонкий, в нем приготовление опары — не последнее дело: не доглядел — и нет «доброго хлеба». В республике провозглашено национальное возрождение. Последнее, по замыслу творцов, должно стать духовным «добрым хлебом» не только для белорусов, но и для всех коренных наций, искони в ней живущих. Но на практике национальный каравай пока еще не получается.

В чем дело? Кто в этом виноват? Почему белорусский язык, которому законом дано такое преимущество перед «языком межнационального общения» и придана сила государственного, не получает желаемого распространения, не проникает во все сферы жизни? Может, просто ищем врагов, благо мы это умеем. А где гарантии, что законодатели все учли, приняли во внимание сложившиеся реалии и исторические традиции? Но ведь возможно и другое: процессу белорусизации придается искусственное ускорение. Реальны ли предложенные темпы? В таком полиэтническом полилингвистическом государстве, как Беларусь, все не очень просто, и вряд ли здесь показаны административные методы. Нельзя не учитывать исторически сложившуюся ситуацию. В республике широко распространены смешанные браки, на русском говорит, по исследованиям социологов, более половины населения, то есть он стал «родным» в самой низовой ячейке общества — в семье, и пока последняя не вернется добровольно к своим истокам, никакие законы не помогут. Для этого должны быть созданы благоприятные условия, где добровольность будет играть не последнюю роль. И еще очень нужны «духоносители», а не просто «передатчики» языка. Необходимы благоприятные условия для раскрытия таланта настоящих писателей-интеллектуалов, которых у нас пока мало, а именно они должны быть культурной основой процесса. Нельзя недооценивать и того факта, что белорусскому языку приходится «конкурировать» с русским в сфере учено-интеллектуальной культуры, конкурировать с одним из рабочих языков ООН, с языком, на котором написаны основные книги по всем отраслям знаний, используемые местным населением.

Закон о языках Беларуси подразумевает сосуществование белорусского и русского языков, их взаимодействие, а не механическую замену одного другим. К сожалению, далеко не свободные от тоталитаризма мышления нынешние культуртрегеры видят суть своей «культурной миссии» именно в этом. По-видимому, они не задумываются о том, **что же будет заполнять вакуум. В наше тяжелое время, когда беднеют целые слои населения, театры теряют зрителей, а литература — читателей, необходимо наконец подумать о главном — о спасении культурного "генофонда" республики. Надо взять на полное обеспечение государства основные национальные театры, найти средства для издания словарей и энциклопедий, на обучение студентов в престижных зарубежных колледжах, создать все условия для развития науки. По данным социологов, именно в Беларуси сегодня активнее всего (по сравнению с другими странами СНГ) идет «утечка мозгов». Есть вещи, которые восполнить будет невозможно. Надо спасать нацию! Нельзя смотреть на культуру с позиций районного начальства. Где гарантия, что через несколько лет селянин, приехавший в Минск, не воскликнет как комедийный Матей — «Як тут добра, як тут красна, як у наших Халопенічах!».**

Беларусь суверенная должна стать не только частью «общеевропейского дома», но и войти в его культурное пространство. В эпоху Великого княжества Литовского так и было. Но готова ли республика «на равных» войти в него сейчас? Пока это проблематично. Ведь для этого необходимо, кроме нового прикосновения к национальной первооснове, еще и широкое освоение ценностей мировой культуры. Ведь мало оповестить о национальном возрождении, необходимо, чтобы оно было ренессансным по своей сути, а не по форме. Пока оно на стадии проторенессанса. Невооруженным глазом видно, как тяжело идет белорусизация. Гуманитарии, остающиеся движущей силой этого процесса, воспринимают его как панацею от всяческих бед, придают ему романтический ореол, творят мифы о культурном будущем и мифологизируют прошлое. К подвижникам надо всегда относиться с уважением. Но любой прогрессивный процесс имеет и крайности.

Знакомясь с различными публикациями на эту тему, начинаешь замечать «тенденции». Одна из них — поиски «прародины» в той глубине истории, когда белорусы еще не сформировались как народность; а это так заманчиво, по этой методе можно «древнебелорусской» назвать полоцкую Софию XI века, один из символов древнерусской государственности. Правда, справедливости ради надо отметить, что Бердыж — верхнепалеолитическую стоянку первобытного человека, а также «Шкловского идола» к древнебелорусскому искусству еще не отнесли. Возникла и другая тенденция — стремление иноэтнические художественные ценности, как привнесенные извне, так и созданные на этой территории иностранными мастерами по иноземным образцам, объявить своими. Вряд ли зодчему, иезуиту Дж.М.Бернардони, творцу второго памятника мирового барокко, когда он возводил его в Несвиже, могло придти в голову, что построенный им в конце XYI века храм (в честь разрыва М.К. Радзивилла «Сиротки» с протестантами) будет выражать менталитет местного населения. А «Полоцкая тетрадь» — сборник западноевропейской музыки, пособие, привезенное для студентов местного коллегиума? Куда ее отнести? Каким культурам «отдать» балетные театры Слонима, Слуцка и Гродно? Танцоры были белорусские, но создавались они общими усилиями итальянских и французских «метров балета», среди которых был ученик великого реформатора танца Ж.Ж.Новерра. Все это образцы или проявления «региональной культуры», а не этнонациональной, но без них нельзя говорить о культуре Беларуси как части общеевропейской цивилизации. Просто нужно точно представлять себе — о чем идет речь: о «белорусской культуре» или «культуре Белоруссии», и помнить, что в отдельных случаях заимствованное играет для судеб национального большую роль, чем самобытное, да и сам процесс заимствования культурного опыта других народов не является механическим актом. Чего греха таить, мы часто и на национальное своеобразие смотрим только с позиций современного восприятия и пытаемся выделить и утвердить первородное его «естество», не задумываясь о том, что «самобытность» исторически чаще всего возникает в «пограничных зонах» — на стыках культур.

Что же касается господствующей учено- интеллектуальной культуры, то она в любом обществе всегда синтетична, а если она региональна по характеру, то не отторгает, а обязательно вовлекает в свою среду различные этнонациональные формы, просто в различные эпохи этот процесс отличается своим своеобразием. На нашу территорию батлейка проникла с Запада, а народная драма «Царь Максимилиан» — с Востока, но кто скажет, что это не основные виды белорусского народного театра? В определенных исторических условиях для художественных явлений важно «второе» рождение, «национальная ассимиляция» чужеродного, переосмысление заимствованного и приспособление его к духовным нуждам своего народа. Уже давно замечено культурологами, что периоды, когда та или иная нация находится в процессе своего формирования, национальное может развиваться параллельно или быть только фрагментом региональной, как правило, господствующей культуры. Но когда формирование общенациональной культуры завершается и она приобретает доминирующее значение, ее «региональное прошлое» становится составной частью национальной истории.

Но вернемся к главному. «Национальное Возрождение»! А что это такое? То, что оно прямое следствие роста национального самосознания — это ясно. Но каких ждут от него результатов и на какую модель культуры оно должно ориентировать народ? Если только на этнонациональную, где преобладающими являются фольклорно-этнографические формы — так называемый «рустикальный путь» — это одно. Такой тип культуры, а им переболело искусство многих стран, направлен в своем развитии, как правило, «вовнутрь», а не «вовне». Он имеет горизонтальные пути развития. К слову, для Беларуси это не новации. Белорусский театр демонстрировал образцы такой культуры с начала XX века вплоть до конца 20-х гг. Подобная культура закономерна, но ее «вторая волна» не должна замкнуться «на себя»: может сложиться ситуация «провинциального культурного кокона». По-видимому, настала пора в культурной политике обратить основное внимание на развитие национального профессионального искусства, ибо только по его уровню судят о «художественном уровне» нации в целом, а не по тому — включена в народный оркестр пила или нет.

Однобокий путь развития может привести к тревожным симптомам — бездумному тиражированию художественных форм, приемов. Это наглядно видно на нашем телевидении: на экранах изо дня в день демонстрируют свое искусство малоинтересные, похожие друг на друга народные ансамбли — живые иллюстрации «массовой культуры».

Современный тип мировой, в том числе западноевропейской культуры имеет совсем иной характер. Он ориентирован на другую эстетику и на восприятие всех ценностей, накопленных духовной деятельностью людей всех стран и народов. Приоритет в ней дается общечеловеческому началу. Такой тип культуры очень плодотворен, он как шекспировское «прозрачное зеркало» — отражает свое и дает выход во Вселенную. Но такой тип культуры требует нового мышления, новых культуртрегеров. «Национальное Возрождение» только тогда станет подлинным Ренессансом, когда появится новый тип национального интеллигента — ценящего свое и широко европейски образованного. Белорусы удивительно талантливый народ, это доказано историей. Он достоин современной культуры и познания мировых ценностей. Надо меньше умиляться тому, что белорус в прошлом язычник, пантеист, а больше понимать, что он давно стал человеком космическим. Беларусь на пороге «общеевропейского дома». Дело «за малым». Тот, кто искренне хочет стать «волотом» Белорусского Ренессанса, тот должен найти в себе силы и мужество пройти интеллектуальный путь Франциска Скорины, Симеона Полоцкого, Максима Богдановича и Владимира Короткевича.

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

АНДРЕЙ БЕЛОРУСОВ

КОРМИМСЯ, ГОСПОДА?

НЕ ПОНИМАЯ НЕОБХОДИМОСТИ БЕЗГРАНИЧНОЙ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ, НИЧЕГО ПОНЯТЬ НЕЛЬЗЯ.

Ф.М. Достоевский

Владимир Гиляровский, знаменитый бытописатель старой Москвы, «король репортеров», рассказывает... В конце 70-х годов, во времена лорисмеликовской «диктатуры сердца», московский генерал-губернатор князь Долгорукий тоже решил сделать либеральный жест. Пригласил к себе редакторов, издателей газет и журналов, спросил: «Ну что, господа,? Какие жалобы, нужды имеете?» Те буквально онемели от этих слов из уст грозного властелина Москвы. И тогда вперед выступил издатель бойкого, очень популярного среди охотнорядцев «Московского листка» Николай Иванович Пастухов. Поясно кланяясь, проговорил: «Да что ж, батюшка, какие наши дела... Слава богу, кормимся, батюшка, и то хорошо.»

Когда сегодня говоришь с сотрудниками разных газет о положении нашей периодики, в их речах слышится та же пастуховская интонация: «Какие наши дела? Кормимся, и то хорошо.»

Что ж, прокорм — дело неплохое. Особенно в наше ненадежное время. Растут в уже привычном космическом масштабе цены на бумагу, на полиграфические и прочие «услуги». Но живет, не умирает газетное дело. Более того, министерство информации регистрирует все новые издания. Тесно до недавних времен (пока не прекратилось поступление ряда московских изданий) было в газетном киоске. Но система очевидна: по левую руку от продавца «братская могила» — издания малого формата, прямо перед окошечком — большие газеты, заслуженные и не очень.

Идешь мимо, замечаешь — появилось новое издание. Берешь в руки. Что ж, газетка как газетка. Маленькая, серенькая, вертлявая, как болонка. Вбежала в газетное общество на цыпочках. Перед старыми газетами очень мило послужила:

— Вы, мол, распространенные, заслуженные. Но и мне что кушать найдется.

Тут же слегка ощетинилась на «партноменклатуру» или «сионофашизм» (смотря по принадлежности), помахала хвостиком перед «патриотизмом» и «национальной идеей», понюхала «суверенитет» и другие важные предметы и обещалась:

— Служить!

Служат, кормятся, кто как может. Кто притворяется осведомленным в науке секса, кто торгует воспоминаниями бывших коммунистических боссов, кто срочно перекрасился из цековского блюдолиза в горячего национал-патриота, кто ударился в «мелочи жизни», анекдоты, астрологическую и прочую чепуху...

А, в общем, все нормально. Должна быть и такая пресса. Свое у нее место, свой читатель. Кормятся пишущие в этих изданиях люди. И слава Богу. В любой цивилизованной стране есть пресса разного уровня. Почему бы не быть этой «разности» и у нас? То есть, говоря прямо, почему бы у нас не быть и бульварной, «желтой» прессе? Но только вот какая штука. Западная бульварность, при очевиднейшем смаковании вполне определенных сюжетов, тем не менее подразумевает еще и высокий профессионализм. Без которого, кстати, там, на Западе, не проживешь.

Но когда наш доморощенный редактор гордо заявляет, что он делает «желтую» газету, то он должен знать, что на самом деле делает убогую газету. Ибо постоянное снимание штанов, дебильное хохмачество, претендующая на бойкость пера безграмотно-разухабистая скороговорка отражают лишь уровень редактора и его окружения. И только. На бульварность — в профессиональном смысле этого слова — у нас претендуют, пожалуй, лишь «Свободные новости». Есть и ростки деловой, коммерческой прессы: «Белорусский рынок», «Белорусский предприниматель», различные рекламные, информационно- справочные издания. Ну и, разумеется, разнообразные детективные и прочие развлекательные листки...

А что же пресса, претендующая на звание «гласа народного»? Кстати, разговор на эту тему в нашем суверенном государстве както не принят. Вот раньше, бывало, республиканская газета помещала обзоры областных и районных. А теперь — все «независимые». Не трожь меня, и я тебя не трону. Впрочем, я прошу коллег не напрягаться. Все мы птенцы гнезда товарища Булацкого и верного продолжателя его дела товарища Слуки — факультета журналистики БГУ. Да, эта «кузница журналистских кадров республики» за долгие годы наковала... Теперь, когда все дозволено, в самый раз полюбоваться на плоды деятельности этой кузни.

Серые, надо сказать, и очень скучные плоды. Бывшие партийно- правительственные официозы ("Советская Белоруссия", «Звязда», «Белорусская нива», проросшая из «Сельской газеты») вместе с новыми ("Народная газета", «Рэспубліка») мечутся между Кебичем и Позняком. Отдавая некоторые поклоны последнему (на всякий случай: а вдруг придет к власти?), они хорошо помнят, что кормятся от щедрой (?) руки первого. До независимости ли тут суждений, взглядов, позиций? Тут бы уцелеть, прокормиться бы...

Вот и получается, что с одной стороны газета «Народная», а с другой — «орган». Казалось бы, вопиющее противоречие. Давно уже должны поотмирать эти самые «органы». Но у нас это норма — «народный орган», который к тому же ежедневно украшает шикарный министерский росчерк главного редактора, сразу произведшего себя в классики мировой журналистики. Даже редактор «Нью-Йорк таймс» не решился подарить публике свое факсимиле и печатает свою фамилию обычным шрифтом. Но что нам заграница? И эта «Нью-Йорк таймс» неизвестно чья газета. А мы - «орган». Вообще без органа, как выяснилось, мы не можем — ни при коммунистах, ни при суверенщиках. Впрочем, ушли ли большевики? Скорее всего, они удачно вписались в «суверенитет» вместе со своими имитирующими независимость «органами», со своим же бескультурьем, невежеством...

Может быть, поэтому и трудно говорить о строгом идеологическом размежевании нашей прессы. «Мы и время», «Славянские ведомости», «Літаратура і мастацтва» в чем-то очень похожие газеты. Необольшевистские издания зовут на бой «за коммунистические идеалы». И «лимовские» публицисты мечтают о введении «чрезвычайного положения» во имя высшей цели — скорейшей белорусизации. А старый эмигрант буквально вопит из Америки на тех же «лимовских» страницах: «Вождя жажду. Вождя.» Тяга к тоталитаризму уже давно приняла облик национал-большевизма.

«Наша нива», «Свабода», «Навіны БНФ» давно прописались в Великом княжестве Литовском и оттуда, из глубины веков, ведется дележка сегодняшних границ, звучат патриотические призывы, рассчитанные не на замученного хаосом, инфляцией, очередями, каждодневным обманом человека, а на «лыцаря», гордо восседающего на коне с мечом и стягом.

По-своему показательна судьба «Знамени юности», газеты, к которой я в особенности неравнодушен. И не в том дело, что газету «купил» Кебич. И не в том, что пришел новый редактор. Катюшенко, кстати, как раз стремится реформировать, оживить газету. Грустно от этого признания самих журналистов: «Знамя юности» отстрелялась. Конечно, одно дело — вести в известных общественных условиях борьбу с ЦК ЛКСМБ и даже с ЦК КПБ (вспомним «пик» газеты — август 1991 г.). И совсем другое — обрести себя в новой, «суверенной» ситуации. Кому тут служить? Какой идее? Вроде создается независимое национальное государство, а вот денежки платит старая номенклатура. И тут начинается драма — потеря лица. Можно, конечно, утешать себя наивными силлогизмами, вроде того, что «в правительстве наверняка сознают, что занудный официоз убьет »Знамя юности", а какому же компаньону выгодно губить то, во что он вложил капитал?" Но все правительства в мире, дорогие коллеги, всегда сознавали прежде всего собственные интересы. И не нужно думать, что белорусское в этом плане чем-то отличается от других. Интересы правительства чаще всего расходятся с интересами прессы. В этом диалектика жизни. Другое дело — как смотрит правительство на это расхождение: как на норму или как на ужасный криминал.

Нет, деньги надо брать у Кебича. А где их еще взять, если у нас нет пока своих Максвеллов? Деньги у Кебича надо брать еще и потому, что они не его собственные, а наши, налогоплательщика. Но, беря эти деньги, не надо давать доброму правительственному дяде пионерских обещаний «верно служить». Деньги эти надо брать, как джентльмен берет у лакея шляпу. В этом разница.

А журналист, уверяющий публику, что он уже «отстрелялся» - это мертвый для общества журналист. Я не зову на баррикады. Но мир не забыл о революциях. Они продолжаются — и социальные и национальные. В разных формах продолжаются. И не только в бывшем СССР. Вспомним недавний страшный бунт «цветных» в Лос-Анджелесе... Поэтому проклamировать свое движение в «мир, забывший о революциях», - это прокламировать сытость, бульварщину, короче, уход от настоящей журналистики.

Истоки этой драмы очевидны. Исчезла, во всяком случае, мимикрировала та партийно-бюрократическая твердыня, которая казалась выстроенной на века. Вроде бы надо служить новой власти, обещавшей справедливую жизнь. Но настоящая пресса всегда должна быть в оппозиции. Любой системе. В этом основной закон ее существования. В критицизме. В остроте гражданской позиции.

Легко было быть «досуверенных» бюрократов. Враг четко виден, цель ясна. Что теперь? Где новые идеи? Ах да, есть это крылатое выражение — «конструктивная работа на благо государства». Но для прессы эта «конструктивная работа» выражается прежде всего в ее оппозиционности, в глубине и основательности критического анализа.

Но для такой журналистики требуется более высокий класс исполнителей. Гнездо Булацкого-Слуки не может их родить, как не может их родить и наша общая, достаточно убогая интеллектуальная атмосфера, пронизанная воплями белорусизаторов и якобы противостоящих им «солдат ленинской гвардии».

Увы! — именно после прошлогоднего августовского путча, породившего нашу государственную независимость, началось разрушение нашей и без того невыдающейся журналистики. Разрушение журналистики началось с утраты ею собственного человеческого и профессионального достоинства. Те, кто преданно служил КПСС, завиляли хвостами в поисках новых хозяев. Те, кто считал себя демократами, утратив ориентиры и обнаружив профессиональную импотенцию, нацепили размалеванную маску шута и начали кувыркаться на потеху почтенной публике. Бульварщина, пошлость, дешевый иронический стилек, призванный спрятать убожество мысли, – вот что хлынуло на страницы печати. Ну и, естественно, появились новые ригористы, новые большевички, готовые взять на себя функции КГБ. Они у нас следят за всеми — кто и как говорит, где и какие таблички висят, кому и сколько следует давать за проявление национальной сознательности. Мурло национального мещанина, сообразившего, где можно хорошо «оторвать», уже возвышается над нашей независимостью. Бесстыдные хвалители и заискиватели перед прежним режимом, они теперь разъезжают по столицам Западной Европы «от имени суверенной Беларуси», они выпускают поэтические сборники под названием «Незалежнасць» и претендуют на звание духовных отцов нации. И вдобавок еще и недовольны народом и даже самим Богом, не замечающим их жалких потуг... Но довольно об этом.

Поговорим о тех, кто нами управляет, об их отношении к печати, к свободе слова. Когда В.Ф.Кебич в своем июньском интервью «Беларускай ніве» заявил, что правительство будет кредитовать только те «газеты, которые стоят на правильных позициях», отдельные периодические издания позволили себе если не возмутиться, то откровенно поиронизировать над этим заявлением премьера. А чего, собственно, иронизировать и возмущаться? Заявление Кебича, его откровения, вроде: «Критикуй, но не злорадствуй над болью и бедами народа. А еще лучше — подскажи свой вариант решения проблемы» — все это лишь характеризует первобытно-партийный уровень отношения к печати нашего начальства. И очень хорошо, что оно так непосредственно, с такой туземной прямотой этот уровень демонстрирует. Представим иное: декларируется самое демократическое, самое дружеское отношение к печати, а на деле... Ну скупает Кебич средства массовой информации. А как же нас, убогих, не покупать? Мы ведь кушать хочем... Поэтому нас и покупать надо и уму-разуму учить. А как же?

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

И вообще разговаривать надо с нами сквозь зубы. Это там, в Лондоне или Париже, редактору «Дейли ньюс» или «Матэн» из правительственных сфер шлют письмо с почтительными оборотами: «Глубокоуважаемый... не сочли бы Вы необходимым... Будем глубоко признательны Вам» и т.д. А с нашим лакейским народцем чего церемониться? Вот письмо, полученное нашей газетой из республиканского министерства информации в середине июля: «Згодна з артыкулам 19 Закона" Аб друку і іншых сродках масавай інфармацыі" і Пастановай Савета МіністраўРэспублікі Беларусь нумар 4909 ад 29.12.91 г. «Аб парадку рассылкі кантрольных і абавязковых экземпляраў твораў друку» кантрольныя экземпляры друкаваных перыядычных выданняў павінны накіроўвацца адпаведным установам і арганізацыям і органу, які выдаў пасведчанне аб рэгістрацыі гэтага друкаванага выдання — Міністэрству Інфармацыі Рэспублікі Беларусь. Аднак кантрольныя экземпляры газеты «Европейское время» у Міністэрства інфармацыі не паступаюць. У сувязі з гэтым папярэджваем Вас аб недапушчальнасці ў далейшым парушэння Закона і патрабуем рэгулярный дасылкі кантрольных экземпляраў у наш адрас.

Намеснік міністра І.А.Карэнда".

Ни «здравствуйте», ни «до свиданья», ни «уважаемый», не говоря уже о «дорогом»... Предупреждаем... требуем... Что-то среднее между ордером на арест и повесткой в суд. Впрочем, прокуратура может обидеться: у нас, мол, документы повежливее. Нет, я не упрекаю спадара Карэнду, что он не удосужился узнать, вышел ли к 15 июля хотя бы один номер «Европейского времени». Ну, занят человек. Но почему заместитель министра так дьявольски невоспитан? Кто внушил ему, что стиль деловой переписки должен быть именно таким - хамским? Вопрос, впрочем, риторический, ибо мы хорошо знаем, чья наследница нынешняя власть. Да и когда нас, журналистов, власть уважала — что прежняя, что нынешняя? И здесь впору привести еще один любопытнейший документ. Официальное — на бланке — письмо народного депутата Беларуси Евгения Цумарова в редакцию «Знамени юности» от 23 июня 1992 г.: «Паважаны рэдактар! Высылаю (не для друку) копію іскавай заявы, з якою маю намер звярнуцца ў судовую інстанцыю. Прашу азнаеміцца і даць адказ па сутнасці пытання, і ў залежнасці ад яго зместу аўтар гэтага ліста вызначыць мэтазгоднасць звароту ў суд з іскавай заявай. З павагаю

Яўген Цумараў, народны дэпутат Рэспублікі Беларусь".

Итак, с одной стороны, депутат Цумаров жаждет справедливости, а с другой — чего-то опасается. Просит — «не для друку». Чего же вы боитесь, Евгений Александрович? Пусть все узнают, как вас обижают и как вы боретесь за правду. Вот полный текст искового заявления депутата Цумарова:

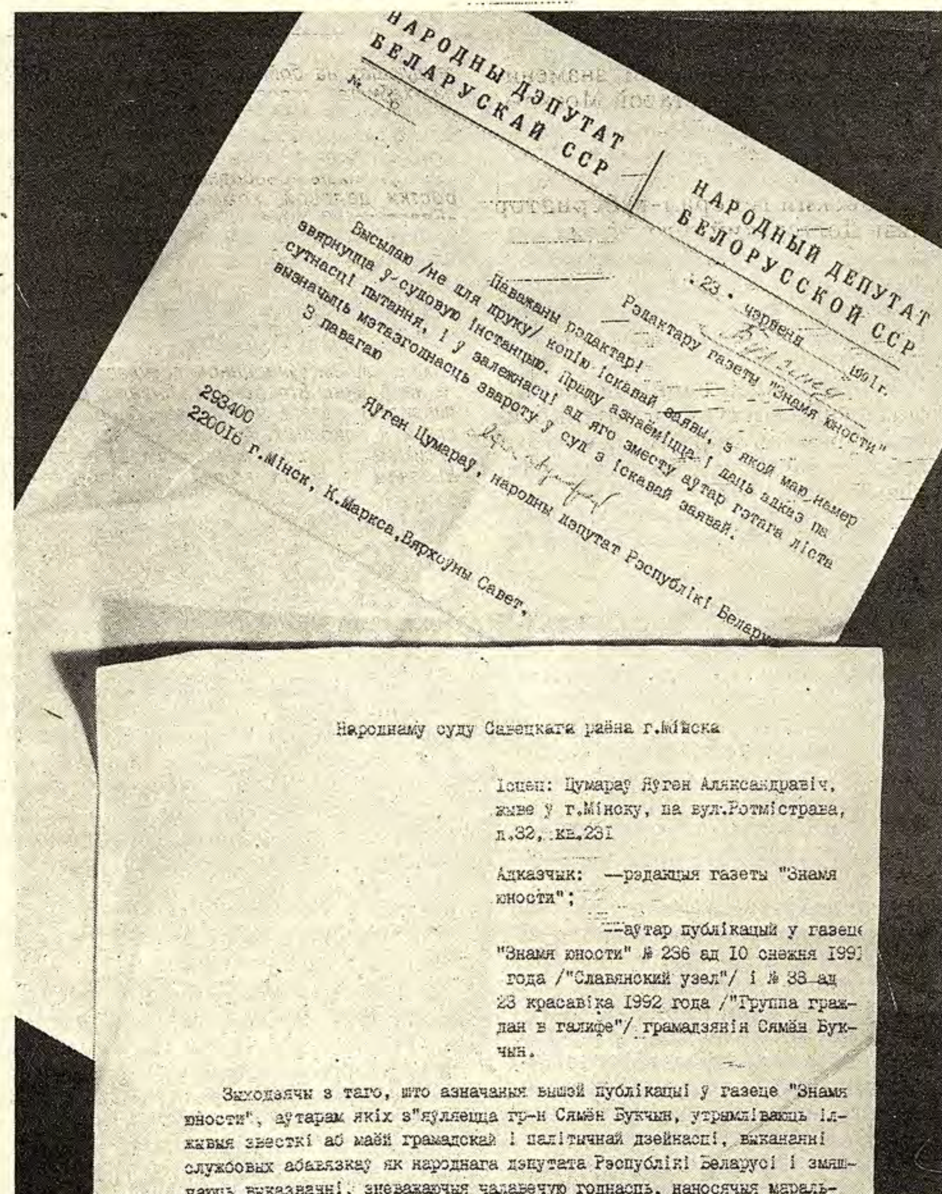
«Народному суду Савецкага раена г.Минска.

Ісцец: Цумараў Яўген Аляксандравіч, жыве ў Мінску, па вул.Ротмістрава, д.32, кв.231.

Аказчык: рэдакцыя газеты «Знамя юности»; аўтар публікацый у газеце «Знамя юности» N 236 ад 10 снежня 1991 г. ("Славянский узел") і N 38 ад 23 красавіка 1992 г. ("Группа граждан в галифе") грамадзянін Сямен Букчын.

Зыходзячы з таго, што азначаныя вышэй публікацыі ў газеце у «Знамя юности», аўтарам якіх з'яўляецца гр-н Сямен Букчын, утрымліваюць ілжывыя звесткі аб маей грамадскай і палітычнай дзейнасці, выкананні службовых абавязкаў як народнага дэпутата Рэспублікі Беларусь і зняважаючыя выказванні, зневажаючы чалавечую годнасць, наносячыя маральную шкоду як грамадзяніну, а таксама здольныя выклікаць непаразуменні з той часткай маіх выбаршчыкаў, якія належаць рускай нацыянальнай супольнасці Беларусі, прашу ў адпаведнасці з дзейным заканадаўствам Рэспублікі разгледзець ў судовым парадку гэту іскавую заяву. У публікацыі «Славянский узел» Сямен Букчын прыпісвае мне намер «раздуть кадило имперской неприязни между народами», спасылаючыся на мае думкі, выказаныя ў артыкуле «Союз с разлад з «пакрыўджаным» братам", надрукаваным ў «Народнай газеце», характарызуючы апошні наступнымі словамі: «чудовищная по своей беспардонности... и исторической безграмотности статья народного депутата Е.Цумарова». Там жа С. Букчын, відавочна, усведамляючы, што можа панесці адказнасць за свае словы, у імкненні зняважыць годнасць апанента ўжывае слаба завуаліраваную форму абразы: «Бедность собственного ума и души пытаются выдать иные за белорусское качество». Гэта фраза ў кантэксце артыкула С.Букчына часткай чытачоў павінна ўспрымацца як маючая канкрэтнага адрасата. ў артыкуле «Группа граждан в галифе» С.Букчын ілжыва сцвярджае наступнае: «...Евгений Цумаров, народный депутат Республики Беларусь. Вот кто, оказывается, не спит ночами, мучаясь из-за соблазнов, которым мы с вами подвергаемся. Охрана наших голов от всяческой скверны стала настоящей идеей fixe спадара Цумарова». Ніжэй там жа без ніякіх падстаў, яўна ўводзячы ў зман чытачоў, ў тым ліку маіх выбаршчыкаў, С.Букчын заяўляе: «Е.Цумаров считает, что его задача как парламентария состоит именно в составлении списков «пиратски», а точнее, не так, не по-цумаровски мыслящих изданий". У мяне, як народнага дэпутата, есць перадвыбарчая платформа, якая ў значный ступені знаходзіць ажыццяўленне ў выніку прыняцця шэрагу заканадаўчых актаў Рэспублікі Беларусь,есць пэўныя абавязкі перад выбаршчыкамі і іншымі грамадзянамі Беларусі, якія я ўсяляк імкнуся здзейсніць, есць, нарэшце, сталая работа ў Вярхоўнам Савеце Беларусі ў Камісіі па адукацыі, культуры і захаванні гістарычнай спадчыны — і ў гэтай сувязі лічу паклепніцкім прыведзенае вышэй выказванне С.Букчына. Ніжэй у тым жа артыкуле С.Букчын зноў без усялякіх падстаў сцвярджае: «Он сам неплохо ведет собственное досье на «неугодные» издания. В досье этом, вероятно, не только названия газет, но и фамилии «неблагонадежных» журналистов. Во всяком случае, та же «Тлумачальная запіска» с дотошностью опытного сексота зафиксировала, что ..."А яшчэ ніжэй прыпісвае мне ў зняважлівай форме ("Вы в досье у Цумарова, а это дело серьезное, когда пойдет разборка с «кадрами» на телевидении", «наш хлопотун и заботник») намеры і дзеянні, якіх я ніколі не меў і не здзяйсняў. У адпаведнасці з прыведзенымі вышэй фактамі прашу ўстанавіць у судовым парадку ступень віны рэдакцыі газеты «Знамя юности» і яе аўтара гр-на С.Букчына за распаўсюджванне ілжывых і зневажаючых маю чалавечую і грамадзянскую годнасць матэрыялаў. Са свайго боку, як ісцец, патрабую публікацыі ў газеце «Знамя юности» на першай старонцы (як мела месца ў згаданых вышэй артыкулах С.Букчына) матэрыяла з прынясеннем прабачэнняў ад рэдакцыі і С.Букчына, адрасаваных чытачам газеты і істцу, а таксама ўплаты за кошт аўтара ілжывых і знеслаўляючых мяне публікацый С.Букчына грашовай кампенсацыі за нанесеную маральную шкоду ў суме 50 (пяцідзесяці) тысяч рублеў.

З павагаю Яўген Цумараў".

НАРОДНЫ ДЭПУТАТ БЕЛАРУСКАЙ ССР

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ БЕЛОРУССКОЙ ССР

.23. чэрвеня 1991 г.

Рэдактару газеты "Знамя юности"

Паважаны рэдактар!

Высылаю /не для друку/ копію іскавай заявы, з якой маю намер звярнуцца ў судовую інстанцыю. Прашу азнаеміцца і даць адказ па сутнасці пытання, і ў залежнасці ад яго зместу аўтар гэтага ліста вызначыць мэтазгоднасць звароту ў суд з іскавай заявай.

З павагаю

Яўген Цумараў, народны дэпутат Рэспублікі Белару...

293400
220016 г.Мінск, К.Маркса, Вярхоўны Савет,

Народнаму суду Савецкага раёна г.Мінска

Ісцец: Цумараў Яўген Аляксандравіч, жыве ў г.Мінску, па вул.Ротмістрава, д.32, кв.231

Адказчык: —рэдакцыя газеты "Знамя юности";

—аўтар публікацый у газеце "Знамя юности" № 236 ад 10 снежня 1991 года /"Славянский узел"/ і № 38 ад 23 красавіка 1992 года /"Группа граждан в галифе"/ грамадзянін Сямён Букчын.

Зыходзячы з таго, што азначаныя вышэй публікацыі ў газеце "Знамя юности", аўтарам якіх з"яўляецца гр-н Сямён Букчын, утрымліваюць ілжывыя звесткі аб маёй грамадскай і палітычнай дзейнасці, выкананні службовых абавязкаў як народнага дэпутата Рэспублікі Беларусь і зняважаючыя выказванні, зневажаючыя чалавечую годнасць, наносячыя мараль-

Стоит ли подробно комментировать этот поистине замечательный документ? А замечателен он прежде всего разоблачительной самохарактеристикой умственного состояния определенной части депутатского корпуса. По Цумарову, оказывается, сам статус народного депутата не допускает того, чтобы он, Цумаров, был автором безграмотных статей. И поскольку он, Цумаров, стоит на страже народных интересов (о чем свидетельствует его «платформа») и к тому же без роздыху трудится в одной из комиссий Верховного Совета, постольку он является фигурой неприкосновенной и, следовательно, всякая критика, подрывающая веру в него избирателей, просто недопустима.

Можно было бы просто посмеяться над раздутым самомнением «народного избранника». Но дело обстоит гораздо печальнее. О каких успехах строительства гражданского общества в нашей республике может идти речь, если в парламентариях у нас ходят люди со столь низкими этическими представлениями? По сути мы имеем дело все с тем же ограниченным чиновником с парламентским значком. Представление его о собственной бюрократической значимости и общий культурный уровень таковы, что он не видит разницы между обращением в суд и откровенным вымогательством, шантажом.

Чего стоит одно только предупреждение: в зависимости от ответа редакции он, Цумаров, будет решать, целесообразно ли ему обращаться в суд. А какой, собственно, ответ требуется? Если следовать тексту искового заявления, то удовлетворить спадара Цумарова могут только извинения в газете и 50 тысяч рублей, принесенные с низкими поклонами автором «клеветнических» статей.

Итак, за 50 (пятьдесят) тысяч рублей депутат Цумаров вроде и готов стерпеть нанесенные ему «ужасные оскорбления». Недорого же стоит по нынешним временам честь нашего парламентария. И с какой потрясающей уверенностью все изложено, с какой убийственной верой, что так и надо: дашь 50 тысяч — может, я еще и подумаю, тянуть ли тебя в суд... Вот кто нами управляет.

А что? У нас все можно. Это вам не гнилой Запад, где подобное письмо депутата вызвало бы громкий общественный скандал и привело бы к немедленной отставке шантажиста. А у нас все в порядке. Все в норме. Живем в обстановке беззакония, дикости, невежества. Но это наш выбор. Это мы все сами выбрали. Такой парламент. Такое правительство. Такую печать. Такую жизнь. Прав классик: неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

Кормимся, господа, а?

Spiritus flat ubi vult

Свободный дух веет, где хочет

«ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

Международное обозрение.
Республика Беларусь.
Издание зарегистрировано в Министерстве информации РБ, регистрационный N 542

Главный редактор
Семен БУКЧИН

Адрес:
220100, Минск-100, а/я 338

АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ

ХОРВАТИЯ: КАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА...

Вот уже больше года в Югославии продолжается война. Крупномасштабно началась она в июле 1991 г. со столкновений хорватских гвардейцев и подразделений югославской народной армии (ЮНА). Но на самом деле в некоторых районах Хорватии — там, где проживали компактные группы сербского населения, еще ранее велись необъявленные боевые действия. В мировой прессе их называли «стычками» и, если вы поднимите газеты, в том числе западные, то увидите, что в основном описывались «мирные усилия» политиков, а также якобы противостояние «идущей к независимости» Хорватии и «прокоммунистического» центра в Белграде. По той же схеме, как и наши конфликты — Москва с Прибалтикой или Грузией.

Я поехал туда на свой страх и риск и за свой счет. Мне казалось и, к сожалению, справедливо, что между событиями в этой стране и на территории, именуемой Советским Союзом, слишком много общего. Материалы, привезенные из Югославии, так и не нашли покупателя. Они почему-то оказались «не о том», плохо сочетались с тем, что писали тогда аккредитованные в той стране коллеги.

Что поделать... Я увидел другую Хорватию, накаленно-националистическую и далекую от демократии. Увидел и другой Белград — совсем не «коммунистический», а собирающий добровольцев в отряды четников и молодежные группы «Белых орлов» для отправки к собратьям фактически уже по ту сторону границы. Почти как казаков в Приднестровье полгода спустя. Я увидел то, что увидел, и почувствовал то, что стояло в воздухе и должно было взорваться: свобода показалась мне не в белых, а скорее коричневых одеждах.

Тогда, в конце лета девяносто первого «продажный материал» из Югославии и для западных изданий, и для советских должен был иметь другие акценты. Только в конце осени, когда уже рвануло вовсю, «Собеседник» напечатал репортажи Виктора Хлыстуна, которые мне были понятны. И только осенью западные телекомпании стали покупать телесюжеты фронтовых югославских корреспондентов, еще с лета предлагавших то, что уже было, но лицемерно долго не называлось войной.

На войне первой погибает правда. Но то, что я увидел год назад в Югославии, уже говорило о неизбежности бойни, которую еще можно было предотвратить, если смотреть непредвзято и хотеть мира. Страшно не только то, что кровопролитие началось и продолжается уже в Боснии и Герцоговине. Страшно, что компоненты конфликта и взрывы по той же схеме действуют в Приднестровье, на Кавказе, частично в Средней Азии, минуя Прибалтику. Пока...

Фокус югославских событий сейчас переместился в Боснию и Герцоговину. Но я убежден, что в Хорватии, в районах компактного проживания сербов по-прежнему льется кровь. Мы видели хорватских и боснийских беженцев на Западе. Но я не помню ни одного сюжета в связи с проблемой сербских беженцев. Набухает войной еще одна болевая точка — в Косово. Думаю, что этот албанский потенциальный Карабах еще не взорвался только потому, что кроме Албании, он никому не нужен. Албания же, хотя и стремится к демократии, в отличие от Хорватии и Словении не желает полностью копировать Запад. Но если и сейчас Милошевич останется во главе правительства Сербии, может наступить очередь кровавой карты в Косово.

Итак, Хорватия... Июнь прошлого года... Только факты...

— Я боюсь, — сказал Игорь. — Я прожил в Хорватии 22 года, стал изучать медицину, строил какие-то планы... А сейчас мы с братом каждый день звоним домой — отмечаемся, чтобы родители не волновались. Все равно, видимо, придется уезжать. Мне — из Загреба, а нам всем — из Хорватии. Эта затея с независимостью рано или поздно для нашей семьи и для сербов плохо кончится.

До официального провозглашения независимости Хорватии оставалась неделя. До открытого военного противостояния Белграда и Загреба — месяц. Сейчас Игоря наверняка уже нет в городе. Он серб. Его подружка, хорватка, предупредила, что хорватские студенты из молодежной усташской организации составляют «черные списки» сокурсников-сербов. Практически списки были уже составлены к середине июня.

В Хорватии около семисот тысяч сербов. Почти столько же было уничтожено хорватскими усташами во время второй мировой войны. В приграничных районах республики уже с января нынешнего года фактически началась межнациональная война. Сербы взялись за оружие, главным образом, из-за насильственнной культурной хорватизации. В округе города Книн они создали отряды самообороны и провозгласили свой автономный край. В Загребе их называют бандитами.

Не совсем понятно, почему западные журналисты нередко стыдливо сводят конфликт к стычкам между хорватскими гвардейцами и армией или к противостоянию освобождающейся Хорватии и прокоммунистического центра, Белграда. Ведь достаточно взглянуть даже на местную прессу, которая, хоть и предвзято, в зависимости от стороны, но уже давно называет вещи своими именами. Фактически в Хорватии уже в начале лета вовсю шла межнациональная война в приграничье и холодная война в прессе республик.

Столица Хорватии Загреб производил довольно странное впечатление. Провинциально уютный и солнечный, с кафешками и столиками, выставленными на улицу вокруг центральной площади Республики, город, тем не менее, не давал расслабиться. Западных «диких» туристов почти не было. Многие правительства Европы уже попросили своих граждан воздержаться от поездок в Югославию. Прежде всего в глаза бросалось множество полицейских на улицах, около зданий и даже в проходных дворах. Они не производили впечатления полицейских, при виде которых у приезжего возникает чувство безопасности и ощущение порядка. Эти стражи явно не столько смотрели за порядком, сколько контролировали город. Вооруженные, они выглядели как переодетые в иную форму военные патрули, причем нерегулярной армии. Казалось, город находится на неофициальном военном положении.

Двусмысленность этого положения в республике, формально являющейся еще частью Югославии, проявлялась во всем. Половина полицейских носила новую серого цвета форму с нашивкой «полиция». Другая половина донашивала обмундирование югославской милиции с милицейским шевроном на рукаве. Охраняющий американское консульство молодой полицейский с автоматом за плечами показал перебитую, в шрамах, руку и пожаловался, что недавно, возвращаясь вечером с дежурства, он оказался в кольце молодых хулиганов.

— Они зверски избили меня, потому что я еще донашиваю старую милицейскую форму. Решили, что я и вправду милиционер, а значит еще совсем недавно защищал власть, то есть коммунистов. Так и кричали. А я даже слова не успел сказать.

Этот молоденький полицейский, как и многие другие, с которыми мне удалось побеседовать на улицах города, практически наемный военнослужащий. Как выяснилось, далеко не он один живет в специальном общежитии, в комнатах «на двоих», и получает зарплату в размере пятисот немецких марок. В Хорватии цены пока что обозначены в югославских динарах, но все реальные подсчеты ведутся в немецких марках. Итак, зарплата хорватского полицейского, а если без завуалированных слов, национального гвардейца невелика, но с учетом субсидированного жилья «на жизнь» достаточна. И тот парень, и почти все встретившиеся мне полицейские, оказались почему-то бывшими рабочими, а затем — безработными. Правительство Ф.Туджмана именно из них стало создавать свою армию под видом расширения хорватской полиции. До накопления сил эта политика не давала повода армии для прямого вмешательства.

Откуда же берутся деньги на содержание полицейских формирований? Сами полицейские полагали, что из-за границы, от общин хорватских эмигрантов. От официальных властей никакой, даже самой простой информации, кроме обвинений по адресу сербов и Белграда добиться было невозможно.

Что касается югославской армии, ЮНА, то сначала она находилась в Хорватии фактически в роли наблюдателя, а в приграничных районах была третьей силой, открыто сочувствовавшей сербам. По мере развития событий ей неминуемо суждена роль инородного института на территории республики. Не сегодня — завтра ее объявят оккупационной, поскольку армия трактуется в Хорватии как просербская и прокоммунистическая.

В начале лета группы молоденьких аккуратных и безоружных солдат ЮНА встречались только у вокзала и на идущей от него к центру улице.

— К сумеркам никого из нас в городе не будет, — пояснил один из присевших на скамейку солдат. — Опасно, могут избить. Похоже, что нас здесь скоро вообще не останется...

Правительство Туджмана пришло к власти летом прошлого года демократическим путем, на волне яростного антикоммунизма и национализма, и сегодня на этих же лозунгах строит новое государство. Антисербские настроения во многом подпитываются утверждениями, что Белград и армия попрежнему контролируются ортодоксальными коммунистами, поменявшими название, но не окраску. Прошедший год мало что изменил в позиции правительства Хорватии. Однако среди населения эйфория независимости явно сменяется усталостью и беспокойством. Больше всего люди опасаются будущего: и возможности войны с Центром, с Сербией, и сменой в республике однопартийного коммунистического режима фактически таким же однопартийным националистическим правлением. Многие жители Загреба говорили о своем беспокойстве в связи с возможным установлением дикататуры Туджмана.

Правящий Хорватский демократический союз получил для проведения своей предвыборной кампании от эмигрантских общин почти четыре миллиона долларов. Эти деньги, помноженные на нелюбовь к коммунистам, демагогию и национал-патриотизм дешевого популизма, обеспечили партии широкую поддержку на выборах. Оппозиционные партии здесь малочисленны и слабы. На место чиновников из Белграда прочно уселись чиновники хорватские. И об этом многие жители говорили открыто, хотя и с опаской. Их страх и несвобода в обращении с иностранцем весьма далеки от норм поведения, присущих жителям демократической страны

Фантасмагория происходящего усугублялась и чисто внешними признаками. На стенах полицейских участков новой Хорватии все еще висели портреты маршала Тито. Служба паспортного контроля международного аэропорта Загреба, явно обновленная, оказалась беспомощной и непрофессиональной. В киосках еще можно было купить белградскую «Политику». Но югославское телевидение из Белграда уже не транслировалось. Местные новости давали только свою трактовку событий и свой отбор материалов. В витринах книжных магазинов выставлены прекрасно изданные собрания речей и выступлений Туджмана, сборники законов и прочая политическая литература о независимой Хорватии. Но обычную карту Югославии купить, как оказалось, довольно непросто. Поражало количество национальных флагов и гербов Хорватии. Они, однако, не создавали впечатления праздничности, а скорее выглядели как проявление верноподданических чувств. Здесь поговаривают, что якобы сын президента заработал на этих флагах приличный капитал, поскольку именно ему было поручено организовать их производство, а предприятия и учреждения республики были обязаны эти флаги приобрести. Герб усташей, создавших под покровительством Гитлера кровавую Хорватию, сегодня в республике можно встретить повсюду. Портреты верховного вождя усташей поглавника (фюрера) Анте Павелича пока что продают только коробейники на площади Республики, но активисты его прямых последователей регулярно проводят многочисленные смотры. Как водится, военизированные, стройными колоннами, с флагами и клятвами. Говорить о сегодняшней Хорватии, не вспомнив кто такие усташи, на мой взгляд, невозможно. Странно, что этого не видят корреспонденты, сидящие в Югославии. Не хотят быть обвиненными в тенденциозности, приверженности одной стороне и тем самым «поссориться» с властями Загреба? Не хотят видеть очевидного, потому что на Западе Хорватия «подается», как еще недавно Литва, в противостоянии коммунистическому Центру?

Не исключено, что Запад и США сознательно замалчивают суть конфликта, при этом декларативно заявляя о приверженности единой Югославии. Многочисленные миротворческие инициативы и заклинания не помешают, а, наоборот, прикроют реальное развертывание вооруженного конфликта. И когда процесс зайдет очень далеко, здесь, под теми же миротворческими лозунгами, появятся «голубые каски» ООН или иные межнациональные силы, которые и скрепят де факто раскол страны.

Об усташах же мир узнал осенью 1934 года, когда в Марселе террорист Калемен совершил покушение на короля Югославии Александра. Полувоенной организацией руководил Анте Павелич. Выросла она из террористического македонского движения, а финансировалась Гитлером и Муссолини. В тридцатых годах Хорти в Венгрии создал для усташей тренировочные лагеря. Они привлекали своей непримиримой позицией к единой Югославии и готовностью к вооруженной борьбе. После вторжения гитлеровцев в Югославию 10 апреля 1941 года в Загребе была провозглашена независимая Хорватия. Государство, созданное поглавником Павеличем, было однопартийным, тоталитарным и копировало структуру военно-партийного ордена усташей. Тогда независимая Хорватия немедленно начала борьбу с коммунистами, евреями и православными сербами. «Тот не усташ, кто не может вырезать ребенка из утробы матери», — говорил поглавник. Сотни тысяч людей погибли в Ясеновицком концлагере, целые сербские деревни вырезались поголовно, население других заставляли принимать католичество. Вместе с нацистами перестала существовать и независимая Хорватия. Поглавник в умер в своей постели в Мадриде, при Франко, в 1959 году.

АРХИВ

Павелич и воссоздал международную организацию усташей. Как же сегодня должны вести себя хорватские сербы, видя откровенное торжество старых фашистских идей?

До декабря 1990 года по долгу службы боролся с усташскими террористами бывший глава госбезопасности страны Здравко Мустач. В середине июня Туджман лично пригласил его стать специальным советником президента независимой Хорватии по вопросам «защиты законности и порядка». Каюсь, я не стал обращаться к господину Мустачу и в новое министерство информации республики за уточнением слухов о том, что в нескольких специальных лагерях тайно готовятся группы хорватских «командос». Говорят, что подготовкой их руководит бывший чемпион Югославии по борьбе Шафранич. Самое же интересное заключалось в том, что якобы на базах «командос» еще несуществующей армии опять же несуществующей (в то время) независимой Хорватии, в деревнях Кумровец и Лучко близ Загреба проходят подготовку молодые эмигранты, наемники, и обучают их бывшие «дикие гуси» из французского иностранного легиона. По некоторым данным число таких наемников достигает нескольких сот.

Деревня Лучко оказалась почти на окраине Загреба. Чуть в стороне от нее, в густой роще, укрылась небольшая военная база с крытыми ангарами. Часовой в защитной форме американского образца без шевронов, поигрывая автоматом, отвел меня на КПП. Вскоре выяснилось, что никто из офицеров показываться не намерен. А в ответ на просьбу об интервью прозвучал вопрос — откуда я узнал об этом секретном, как оказалось, объекте. Пока неизвестный мне начальник изучал документы, я понял, что оказался в роли задержанного. — У нас почти война, — вспомнились слова хмурого офицера полиции на улице Загреба. Двое парней, явно не призывного возраста, сначала отказались говорить по-английски. Но когда я запел о бескорыстии борцов за свободу, один из них вдруг сказал: — Да брось ты... свобода — это деньги. Нам платят, — мы работаем.

В холл зашла большая группа военнослужащих с оружием. На одном была черная майка с усташским гербом. Другой, как оказалось, неплохо говорил по-английски. На вопрос, откуда он так хорошо знает язык, парень ответил:

— Я легионер. А вообще, из Аргентины...

— А ну прекратить с ним разговоры! — Со второго этажа сошел начальник в штатском. У входа уже стояла двухдверная гражданская машина и двое полицейских с угрюмыми и почему-то испуганными лицами. Когда мы затем въехали в лесок, зажатый на заднем сиденье с двух сторон, я начал молиться.

Но не прошло и четырех часов, как симпатичный следователь, называвший допрос беседой, извинившись, проводил меня из здания главного полицейского управления Загреба. Как мне объяснили, официально службы безопасности в новой демократической Хорватии нет. Впрочем, слово «демократическая» я здесь не слышал.

На базу в Кумровец я уже не поехал, а ближайший поезд на Белград уходил через час. С меня было достаточно и полицейских, и флагов, и гербов, и наемников.

До официального провозглашения независимой Хорватии оставалась одна неделя...

И. ЖИЛКИН

ЛЕНИН

О Ленине сегодня опубликовано множество неизвестных документов и свидетельств. Статья Ивана Жилкина, публициста знаменитой сытинской газеты «Русское слово», долгие годы руководимой самим Власом Дорошевичем, была опубликована 1 мая 1918 г. Последние, уже усмиряемые большевистской цензурой всплески свободы слова. И газета, в которой появилась эта статья, называется уже не «Русское слово», а «Наше слово» — путь, пройденный совсем недавно «Правдой», называвшейся после закрытия «Путь правды» и т.д. Статья Жилкина не претендует на некое теоретизирование, на идеологический спор с Лениным. Это живое впечатление тонкого человека, умного, наблюдательного журналиста. Тем она и интересна сегодня — точным наблюдением современника.

* * *

На эстраде среди членов президиума какой-то человек проворно снял пальто, положил его на рояль, вытер ладонью лысину, пригладил двумя руками темные виски, быстро почесал под пиджаком, подергал мягкий отложной воротник с галстуком, прошелся пальцами по усам и маленькой бородке, встряхнулся коренастым, довольно полным телом, и, не обращая внимания на аплодисменты, сел за стол, быстро и де- ловито перебирая объемистую кучу бумаг, газет и брошюр.

Большая аудитория Политехнического музея гудела, переполненная. Сидели, стояли, полулежали, висели с балкона. У дверей и в проходах колыхались винтовки дозорных.

Заседание исключительное. Чуть ли не решается судьба России. Правительство народных комиссаров раскроет свою новую программу. А главное Ленин, — сам Ленин, даст бой своим противникам и выскажет начистоту свою тактику.

Председатель центрального исполнительного комитета Свердлов густым, строгим и громким голосом утихомирил публику и дал слово Ленину.

Премьер проворно встал, пригладил виски, быстро поводил пальцами по частям тела и ринулся в схватку.

Хороший ли оратор Ленин?

Первое впечатление странное. Сипловатый, довольно зычный голос митинговой постановки. Легкое недоговаривание каких-то гласных. Строение речи книжное, вроде полемической брошюры, с длиннотами, отступлениями, сухими, без свежести и яркости словами. Но впечатление крепнет. Прежде всего у оратора, как говорят певцы, большое и умелое дыхание. Замысловатые периоды подносятся не только громко и отчетливо, но и с хорошим звуковым рисунком, с удачными паузами, с уверенной стремительностью ритма и эффективными, точными ударными местами. А вот постепенно развертывается и темперамент. Оратор уже бегает на коротком расстоянии позади президиума и сотрясает руками, грозит пальцем, пожимает саркастически плечами, делает множество выразительных жестов, и даже коренастое тело оказывается достаточно гибким и послушным оратору.

И недаром Ленин с первых слов объявил залу полемический поединок. Речи уже сказаны, положения напечатаны в газетах. А вот не угодно ли побороться в полемике. Выходи на арену кому угодно, у кого кости крепки. Ленин, видимо, хорошо знает свою главную силу. Полемик он незаурядный, злой, веселый, стремительный и находчивый. Но все же главная суть, кажется, в чрезвычайной, сверхъестественной самоуверенности. У Ленина не только все решено до последней точки, но уже сведено все почти к двум-трем линиям, которыми четко очерчена его формула, освещая блестящей самоуверенностью, как солнцем. И Ленин не только спорит или доказывает, но и прямо издевается над противниками, потешается в злом и веселом торжестве, как над несмышленышами, глупышками, неловкими притворщиками или сплошными идиотами. Вот она, вот истина, простая, как яблочко, всякие трезвые глаза видят ее попросту и прямо! И в таком сиянии веселого злорадства, с такой заоблачной самоуверенностью, так лихо и хлестко издевается оратор над противниками, что аудитория, увлеченная, гогочет и рукоплещет.

О, это не Керенский, который мучился «нечеловеческими» словами, искал все гдето опоры, восклицал о страшных задачах России и падал в подлинный артистический обморок!

Ленин в обморок не упадет, опоры не попросит, нечеловеческих слов искать не будет, о России же скажет мимоходом так хлестко, что публика похохочет радостно и со вкусом. Временами Ленин напоминал веселого, уверенного хирурга (только белого халата не хватало), который с игривостью машет ланцетом, смеясь над ужасом друзей больного и столбняком полузарезанного пациента. Выздоровеет или помрет, захлебнувшись в крови, человек, разве в этом дело, экие чудаки!

Вон говорят там и пишут какие-то недоумки о брестском позоре, о нашествии немцев, об японцах во Владивостоке. Какие страхи, подумаешь! Как будто без них этого не видят! Какие жалкие потуги посмеяться над «передышкой»! Да, а передышка-то все же удалась, и даже на несколько недель. Империалисты грызутся в смертельной схватке на Западе, и этим надо пользоваться. Им пока не до нас. А уж Ленин получше других знает, что первое желание империалистов Востока и Запада раздавить советскую власть. И надо передышку продолжить хоть на день, на два, на сколько удастся. Вся задача — выжидать, лавировать и отступать. Чего выжидать? Формула Ленина проста и ясна, как дважды два — четыре. У истории своя неписаная логика. Россия оказывалась передовым отрядом социализма. Это естественно. В отсталой стране легко было сбросить власть царя, буржуазии, помещиков. Но в отсталой стране невероятно трудно идти дальше действительным путем социализма. На Западе, в Германии, во Франции, в Англии, в тысячу раз труднее пролетариату сбросить с себя великолепно организованную власть капитала. Но когда она будет сброшена, тем неизмеримо легче и быстрее двинется осуществление социализма. Вот почему вся надежда русского пролетариата на западную революцию. Без нее вы слабы и беспомощны. Без нее мы пропали. Империалисты раздавят наш авангард, волей истории слишком выброшенный вперед. Вот почему надо выжидать, лавировать и отступать. Западная революция, к сожалению, еще не совершилась, вы ошиблись в сроках и надеждах, но она зреет и придет. Наша задача, единственная и возможная, — затягивать передышку, отступать, сжимать наш опыт жизни, уменьшать его, но не выпускать его из рук.

Так объяснял Ленин, насмехаясь над противниками, пожимая плечами над их тугодумием. Ну, а еще что? Спрашивают: что же, однако, делать сейчас с Россией и в России? Очень просто. Легкое сделано. Буржуазия и помещики додушены. Награбленное ограблено. Но это — первый шаг, где социализмом еще и не пахло. Теперь на очереди трудное и настоящее Надо закопать жизнь в железную дисциплину государственного капитализма. Награбленное не давай прятать по личным карманам. Награбленное подсчитай и отдай под учет. Лодырей введи в труд. Производство поставь в рамки строжайшего надзора и контроля. Нам грозят голод и безработица. Спасение в одном: в железной организации труда. Вот мы ввели диктатуру на железных дорогах, и уже есть результаты. Голод сокращается по некоторым местам. И уже разные инженеры, купцы говорят: «Устройте нам порядок на транспорте, и мы будем ваши». Такую же дисциплину надо ввести всюду. А так как у рабочих, у нас, большевиков, опыта для широкого размаха в производстве нет, то мы не боимся приглашать инженеров, купцов и промышленников. Мы даже готовы дань им платить в виде большого жалованья. И не пугайте нас жалкими словами, — это совсем не отступничество от социализма, а прямой путь к нему. Только через организованную дисциплину государственного капитализма будет естественный переход к социализму.

Эти и другие уже известные мысли Ленин развивал полтора часа в различных насмешливых вариантах. И важнее, любопытнее всего были эта сиявшая самоуверенность, этот торжествующий хохоток, которые действовали на завороженную аудиторию неотразимо.

И так же, посмеиваясь, неслышно похохатывая, иногда даже в неудержимом смехе откидываясь на спинку стула, слушал он своих противников. Кое-что записывал. А чаще совсем не слушал, небрежно переговариваясь с соседями. Чего их слушать? Как убого, косноязычно, нелепо...

Да и трудненько было говорить оппонентам. Аудитория шипела и гудела: Мартову, Карелину, Лихачу кричали: «Врете! Довольно!» А какому-то злосчастному эсеру, повторявшему: «и вот, товарищи... нет, товарищи...» злорадно рычала из глубины зала: «Мы не товарищи!»...

И лихо потом разделал Ленин этих противников, полуоглушенных публикой, подорванных краткостью отпущенного им срока, обезмолвленных гильотинированием списка ораторов. Потешил еще раз и себя, и хохотавшую аудиторию. Очень было веселое заседание, на редкость. И мы порой невольно смеялись, а иногда волосы шевелились на голове при неуместном воспоминании о России, лежавшей под ланцетом...

Овацией отчествовали Ленина. Утвердили почти единогласно резолюцию, заявившую полное доверие главе власти и полное согласие с его программой. И даже ни одной руки не поднялось против. Чего уж, — все равно.

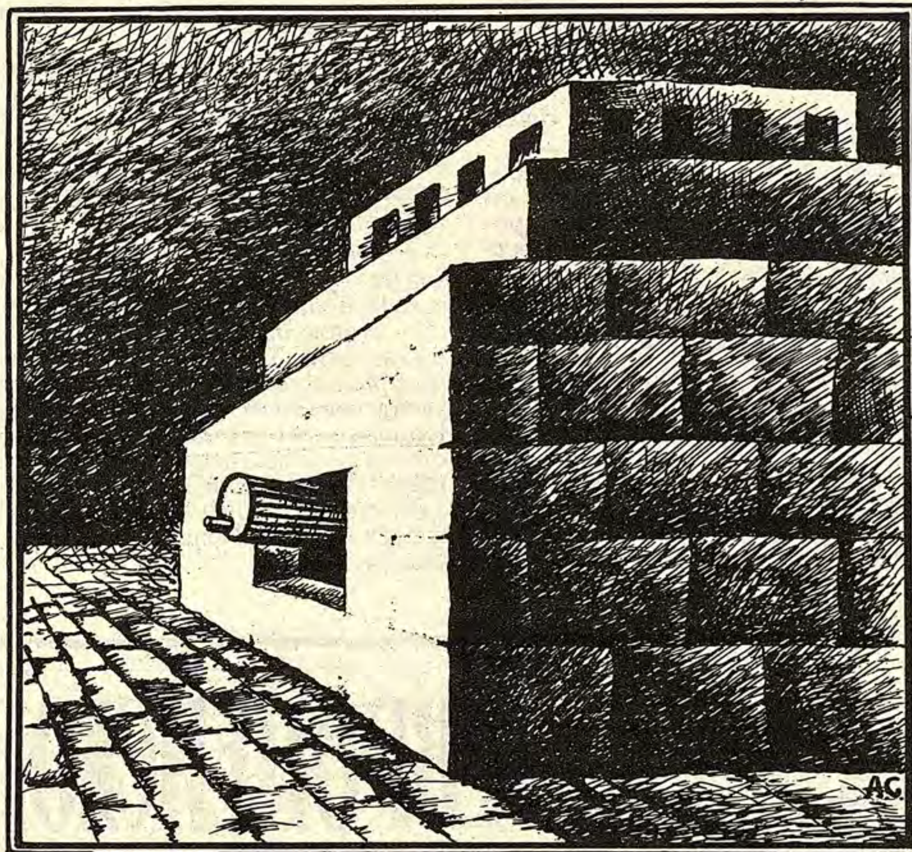

Рис. А. Свинаренко

FINITA

ФЕЛЬЕТОН

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ТРАГЕДИЯ

НЕ СОВСЕМ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКОГО ПАРЛАМЕНТА.

Шолодонов. — Уважаемые спадары! Международная обстановка срочно требует утвердить наших послов в странах ближнего и дальнего зарубежья. На мое имя поступают десятки телеграмм — государства Запада и Востока буквально умоляют о присылке наших послов, поскольку без дипломатических отношений с нами они не представляют своего будущего. Естественно, что первым в повестке мы поставили вопрос об утверждении нашего посла в США. Прошу высказываться. Слово просит депутат Дементей. Прошу вас, Николай Иванович!

Дементей. — Товарищи, полагаю, что никто не сомневается в том, что в США от нас должен поехать очень достойный, очень известный, одним словом, очень большой человек. Видимо, вы уже догадались, о ком идет речь. Ну конечно же, я предлагаю отослать в США нашего дорогого Зенона Станиславовича Позняка.

Наумчик. — Это диверсия! Партноменклатура намерена оставить оппозицию без ее лидера — нашего действительно выдающегося деятеля Беларуси и всего прогрессивного человечества. Оппозиция заявляет решительный протест!

Лукашенко. — Если это и диверсия, то прежде всего против США, поскольку Позняк, как мы знаем, человек очень способный, поэтому он и там, в США, может создать филиал БНФ, а это грозит нам серьезным международным конфликтом. В Америку должен поехать кто-нибудь из наших председателей колхозов. По крайней мере, практическая польза будет. Человек чему-нибудь научится...

Шолодонов.— Может, лучше не председателя колхоза, а фермера? К нашим колхозам у них отношение, знаете ли...

Камай.— Не надо низкопоклонствовать перед заграницей. У нас свои традиции.

Семдянова. — Советские!

Камай. — Я протестую!

Шолодонов. — Утверждение посла в США откладывается до соответствующей проработки кандидатуры. Есть посольская вакансия в Испанию.

Семдянова. — Предлагаю спадара Трусова!

Дементей. — Почему же в Испанию обязательно Трусова?

Семдянова. — Трусов человек романтический. Посмотрите, как он пылко всегда выступает. Нет проблем, по которым он не имеет собственного решения. С Испанией он, безусловно, справится. К тому же, разве не Трусов первым заговорил том, что нашей Беларуси необходимо иметь свой флот? А Испания старая морская страна. Вот мы у нее и будем учиться с помощью нашего Трусова.

Шолодонов. — Но есть еще места послов в Англии и Португалии. Это тоже морские страны.

Семдянова. — Я еще не сказала главного. Есть какая-то испанская книга — я сама читала, — в которой главный герой дон Трусо. Испанцам должна понравиться фамилия нашего посла... Они будут считать его своим.

Трусов.— Благодарю за честь, спадарыня Семдянова. Но что касается моего происхождения, то должен заявить, что я русский, добровольно и сознательно прошедший белорусизацию. И потому прошу не делать намеков на мои якобы космополитические корни.

Лукашенко. — Если Трусов все-таки не настоящий испанец, то я думаю, что Фарфель у нас подлинный, так сказать, без обману... Лучшей кандидатуры на посла в Израиль не найти.

Фарфель. — Я в принципе не против. Вот даже иврит начал учить. На всякий случай. Но ведь общественность может расценить это дело, как попытку избавиться от единственного еврея в парламенте. Вдруг в республике начнутся по этому поводу волнения? Заводы забастуют?

Камай. — Будьте спокойны, Михаил Абрамович. Мы процентную норму не нарушим. Жиды, то есть евреи Республики Беларусь должны знать, что ихнее представительское место другие не займут. Оно за евреями и останется. Процентная норма — святое дело. Когда мы, коммунисты, были у власти, то очень зорко следили за этой самой нормой всюду - в вузах, в разных учреждениях... И все были довольны. Полагаю, что и новая власть учтет наш положительный опыт.

Шолодонов. — Так что будем делать с Трусовым и Фарфелем?

Дементей. — Предлагаю Фарфеля утвердить, а от Трусова потребовать справку об его испанских корнях.

Трусов. — Прошу занести в стенограмму, что я всегда был патриотом Беларуси. Хотя против Испании ничего не имею и, конечно, интересы белорусского флота буду отстаивать всюду.

Шолодонов. — Флота еще нет, но интерес есть. Это хорошо. Решение принято. На очереди вопрос о нашем представителе в Турции.

Гилевич. — С Турцией, уважаемые спадары, у нас будут большие сложности. Можно, конечно, подойти к решению этого вопроса по национальному признаку — это надежный путь. Вот Фарфель, Трусов...

Трусов. — Я прошу...

Гилевич. — Я не перебивал вас, дон Трусо. Так вот, хотя с турками в нашей Беларуси ощущается дефицит, стоило бы подыскать близкого им татарина. Так сказать, собрата по мусульманской вере. Тем более, что татарского элемента у нас хватает. Но в данном случае я предлагаю отойти от схемы, посмотреть на вещи шире. Почему бы в Турцию не поехать какому-нибудь известному нашему писателю? Пошлем, например, Миколу Гиля...

Семдянова. — Как вам не стыдно, Нил Семенович, предлагать собственного брата?

Гилевич. — При чем тут это? Микола Гиль известен как переводчик с разных языков и даже с турецкого. Вы вот знаете турецкий?

Семдянова. — Ну, если так..

Гилевич. — И вообще писатель — это универсальный знаток жизни. Пока у нас свои послы подрастут, надо шире использовать наших писателей. Тем более, сами знаете, у них теперь бескормица. Раньше ЦК КПБ подавал на жизнь. И смею заметить, неплохо подавал. Не всем, конечно. Но меня, слава богу, не обижали. Книги каждый год выпускал, квартира царская — каких только доброт я от них не получил...

Шолодонов. — Вы несколько отвлеклись в сторону, Нил Семенович...

Гилевич. — Так вот я и предлагаю спасать национальную интеллигенцию.

Лукашенко. — Это значит, разослать письменников по разным странам? Интересное предложение.

Наумчик. — А что будет с газетой «Літаратура і мастацтва», если Гиля, ее главного редактора, ушлют в Турцию? Ведь «ЛІМ» — последняя опора нашей гласности.

Гилевич. — Газета давно уже на семейном подряде. Так что с редакторством и курсом, соответственно, проблем не будет.

Шолодонов. — Итак, Микола Гиль утверждается послом в Турции. У нас тут еще запланированы утверждения послов в Буркина Фасо, Шри Ланка, Гондурас и Молдову. Может, есть добровольцы?

Новик. — Василий Иванович, почему вы не зачитаете мое личное заявление насчет Франции?

Шолодонов. — Да, действительно, есть такое заявление. Депутат Новик сам просит назначить его послом во Франции.

Дементей. — А какое, собственно, отношение он имеет к Франции? Пусть едет в Буркина Фасо!

Новик. — Моя тетя двенадцать лет назад была по профсоюзной путевке во Франции. Она сказала мне, что я очень похож на француза.

Фарфель. — Я бы вам не советовал...

Трусов. — Стыдитесь, спадар Новик. Я русский и то не хочу походить на испанца, а вы белорус и так открыто предаете свою нацию.

Новик. — Я только сказал, что похож... И вообще это не я сказал, а тетя.

Шолодонов. — Какая тетя?

Новик. — Моя родная тетя.

Фарфель. — Какой ужас! Зачем вам эта тетя?

Шолодонов. — Что будем делать?

Дементей. — Пусть предоставит справку от тети, что она, мол, так говорила. И сама тетя пусть сделает копию своей метрики. Тогда и решим.

Камай. — Все это как-то странно. Я слышал, что Новик большой друг русского народа. Почему бы не отправить его послом в Россию?

Новик. — Это наглая клевета! Я не могу быть другом империи!

Дементей. — Тогда езжайте в Буркина Фасо!

Лукашенко. — Николай Иванович уже дважды называет эту страну — Буркина Фасо. Видимо, он ее хорошо знает. Я предлагаю утвердить спадара Дементея послом в этом экзотическом государстве. Уверен, такая фигура будет там смотреться со всех сторон.

Дементей. — Вы что? Я даже не знаю, где находится эта страна! Если в Африке, то сообщаю сразу, что совершенно не выношу жару.

Шолодонов. — Должен предупредить, что с валютой у нас более чем напряженное положение. Поэтому стоит подумать над тем, чтобы наши послы совмещали свои обязанности в разных странах.

Наумчик. — Предлагаю утвердить спадара Дементея послом в четырех странах одновременно — в Буркина Фасо, Шри Ланка, Гондурасе и Молдове.

Дементей. — Это антикоммунистический заговор!

Трусов. — Хватился после Беловежской пущи.

Лукашенко. — Если мне не изменяет память, названные четыре страны расположены довольно далеко друг от друга.

Наумчик. — Ничего страшного. Мы выделим спадару Дементею специальный самолет. И он будет летать. Туда-сюда, туда-сюда. К Горбачеву мотался на совещания перед путчем. Пусть теперь на пользу нашей Батьковщины помотается.

Трусов.— А почему мы сегодня не обсуждаем кандидатуру посла в Англии?

Шолодонов. — Это очень серьезный вопрос. Туманный Альбион, знаете ли...

Семдянова. — Я согласна с вами, Василий Иванович. Считаю, что нашим послом в Англии должен быть прежде всего очень видный мужчина. Там ведь не шутка — какие приемы у королевы бывают. А наше мужичье ни ступить, ни молвить не умеет. К тому же все с животами огромными или лысые, извините...

Шолодонов. — Выходит, среди наших мужчин подходящей кандидатуры нет? Что ж нам, из другого государства приглашать, что ли?

Трусов. — Предлагаю утвердить послом в Англии спадарыню Семдянову. Уж она нас не подведет. Помните, как она однажды чуть Малофеева не прибила? Манеры у нее что надо! Куда там английской королеве!

Семдянова. — Я человек скромный и не привыкла перечить общественному мнению.

Шолодонов. — Кто за? Единогласно. Лучшие люди оставляют меня. С кем работать в парламенте — не знаю. Настоящая трагедия!

Globe Trotter

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

Дизайн
В. Цеслера, Е. Войченко, А. Новожилова
Компьютерный дизайн
А. Петрени

Для размещения рекламы в газете "ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ" звонить по тел. 52-85-17 с 8 до 11 ч. (кроме понедельника).

Индекс 63139

Тираж 20000 экз.

Газета отпечатана в типографии издательства Белорусский Дом Печати

Зак. № 1653 / 01

М. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
П. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12